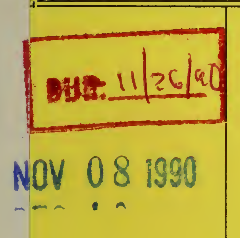

DUE: 11/26/90
NOV 08 1990

Русское изданіе
Библіотеки „Гешенъ“

Проф. Ѳ. Ахелисъ.

Соціологія

Подъ редакціей Н. Самсонова.

Библіотека „Наука и Жизнь“

Русское изданіе „Sammlung Göschen“

Проф. **Ѳ. Ахелисъ.**

СОЦІОЛОГІЯ

Подъ редакціей

Н. Самсонова,

приватъ доцента Московскаго Университета

авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія

Л. Яшева.

РИГА

Изданіе **„Наука и Жизнь“**

1914

Единственный представитель для всей Россіи
к-во **К. Г. Зихмана** въ Ригѣ.

Печатано въ типографіи Мюллера въ Ригѣ
(Гердерова площадь № 1).

Оглавленіе.

III. Отдѣлъ.

Методы и принципы соціологіи.

IV. Отдѣлъ.

Объемъ и раздѣленіе соціологіи.

Введеніе.

§ I. Понятіе и задача соціологіи.

Соціологія есть ученіе о формахъ человѣческаго общежитія. Соціологія является новой наукой, хотя и по всѣмъ фактическимъ даннымъ и по апріорной вѣроятности, кое какіе союзы людей, — хотя бы незначительные и слабые, — должны были быть всегда и вездѣ, и дѣйствительно существовали на землѣ; правда, мысль изслѣдователей уже сравнительно рано была направлена на эту проблему (такъ, напр., въ классической древности), но настоящая систематическая разработка выпала на долю нашего времени. Эти союзы, какъ это само собой ясно, нуждаются въ психологическомъ объясненіи, которое должно весьма тщательно изслѣдовать всѣ отдѣльные факты жизни народовъ. Прежде всего человѣческое общежитіе можно понимать, какъ естественный продуктъ индивидуальныхъ отношеній, и человѣкъ, какъ біологическая особь, служитъ тогда базисомъ этихъ союзовъ. Уже физическое развитіе подрастающаго человѣка, потребность въ защитѣ, извѣстныя симпатическія побужденія и другіе моменты обуславливаютъ это общее объединеніе, являющееся, такимъ образомъ, органической необходимостью, а не результатомъ особыхъ соображеній и рѣшеній, какъ полагалъ Руссо и многіе новѣйшіе спеціалисты по государственному праву. Изъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ людей между собой, изъ тѣхъ коллизій, въ какія приходятъ другъ съ другомъ самосохраненіе и забота о благѣ ближнихъ, изъ этихъ формъ извѣстнаго равновѣсія, порожденнаго самыми разнообраз-

ными видами борьбы (борьба за экономическія цѣнности) — возникаетъ нѣкоторый соціальный порядокъ, который опредѣленнымъ образомъ, — путемъ ли обычая или же съ помощью законныхъ установленій, — регулируетъ взаимоотношеніе людей. Соціологія и должна установить основныя черты этихъ разнообразнѣйшихъ структуръ и соціальныхъ формъ, объяснить ихъ и, по возможности, свести къ опредѣленнымъ законамъ или, по крайней мѣрѣ, къ періодически повторяющимся „ритмамъ"; соціологія, начиная съ чисто эмпирическаго описанія и установленія фактовъ, восходитъ такимъ образомъ до сферы и значенія философскихъ наукъ. Но какимъ она должна слѣдовать при этомъ методамъ и принципамъ, мы увидимъ ниже (ср. стр. 40 сл.)

Отдѣлъ I.

Исторія соціологіи.

1. Глава.

§ 2. Древность.

Уже Сократъ и его современники обратили свое вниманіе на соціальные вопросы и находили своимъ стремленіямъ весьма живой откликъ у современниковъ. Старинная специфически эллинская точка зрѣнія, начиная съ злополучнаго скептицизма софистовъ, уступила мѣсто болѣе свободному разсмотрѣнію; рабство и т. п. было объявлено противоестественнымъ установленіемъ и, въ противоположность традиціонной догмѣ о тожествѣ человѣка и гражданина государства, было установлено ненарушимое право человѣка, какъ такового. Даже Руссо со своей проповѣдью возврата

къ природѣ находитъ въ Греціи свой прообразъ въ лицѣ Дикэарха изъ Мессины. Киники точно также рѣшительно протестуютъ противъ пороковъ и недостатковъ культуры и въ своемъ философскомъ анархизмѣ требуютъ для людей, являющихся по ихъ мнѣнію лишь хаотической толпой, отмѣны брака и собственности. Этотъ коммунизмъ выступаетъ и у тонкаго мыслителя Платона, хотя и въ благородно-аристократической формѣ; новое устройство государства у него не является слѣдствіемъ міра гражданъ и тѣмъ самымъ не служитъ на пользу всѣхъ членовъ, но является лишь привиллегіей немногихъ лицъ, возвышающихся надъ массой по рожденію и образованію. Въ своей Республикѣ, этомъ прообразѣ всѣхъ позднѣйшихъ политическихъ утопій, Платонъ насильственно видоизмѣняетъ существующій порядокъ вещей, такъ какъ дѣйствительность отнюдь не соотвѣтствуетъ идеалу, видоизмѣняетъ его въ пользу мыслителей, образующихъ высшую ступень общества и единственно свѣдущихъ въ управленіи общественной организаціей. Предлагаемое Платономъ воспитаніе духовной аристократіи хорошо согласуется только съ неравенствомъ сословій, раздѣленныхъ на касты, и коллективное государство является не самоцѣлью, какъ слѣдовало бы допустить, но лишь внѣшней мѣрою защиты противъ получающаго перевѣсъ эгоизма. Аристотель, съ его явнымъ реализмомъ, выступаетъ, наоборотъ, противъ всякихъ фантастическихъ конструкцій умозрительнаго направленія, враждебнаго опыту, устанавливая государство, какъ продуктъ законовъ природы, выводя его, именно, изъ неискоренимаго общественнаго влеченія человѣка. Съ одной стороны, должно быть признано всякое правомѣрное проявленіе здороваго индивидуализма; съ другой стороны — необходимо устранить съ помощью мудраго правительства противорѣчія и конфликты въ соціальной и промышленной жизни, какъ.

напр., безконечныя денежныя спекуляціи и вмѣстѣ съ ней плутократію. У стоиковъ національныя рамки раздвигаются до размѣровъ широко космополитическихъ, до идеи всеобъемлющаго человѣчества, въ которой, естественно, первое мѣсто занимаетъ любовь къ человѣку и ближнему. Все человѣчество представляетъ собою связанные одинаковыми правовыми и нравственными требованіями единство и союзъ; лишь въ немъ можетъ полно развиться и выполнить свое истинное назначеніе отдѣльный человѣкъ. Въ этомъ идеальномъ царствѣ, заключающемъ въ себѣ важнѣйшія черты позднѣйшаго христіанства, опять-таки лишь мудрецъ имѣетъ значеніе и голосъ, въ противоположность остальной массѣ неразумныхъ и нуждающихся въ постоянномъ руководствѣ глупцовъ. Въ той аристократіи духа исчезаютъ всякія различія и обособленные интересы, какъ, напр., бракъ и семья, обыденныя рамки, существующія въ народѣ и въ гражданской іерархіи, такъ какъ тамъ всѣ люди, безъ различія происхожденія, обладаютъ одинаковыми правами на соучастіе въ міровомъ государствѣ. Если мы стоикамъ обязаны извѣстнымъ ученіемъ о естественномъ правѣ, то въ школѣ ихъ непримиримыхъ противниковъ, стоящихъ на почвѣ рѣзкаго утилитаризма, происхожденіе государства выводится изъ опредѣленныхъ договоровъ и соглашеній. Такъ какъ личный эвдемонизмъ является въ этой школѣ единственнымъ лозунгомъ жизни, то и вынужденное присоединеніе къ обществу совершается согласно этому ученію исключительно по соображеніямъ цѣлесообразности; право и нравственность основываются, такимъ образомъ, не на этической или даже соціально-психической основѣ, а на случаѣ, традиціи и личныхъ соображеніяхъ благоразумія. Вмѣсто органической телеологіи Аристотеля вводится общеизвѣстное ученіе утилитаризма; въ общемъ же Эпикуръ и его приверженцы обнаруживали

поразительное отсутствіе интереса къ соціальнымъ вопросамъ, тѣмъ болѣе, что онъ и ученикамъ своимъ рекомендовалъ философскую жизнь, чуждую государственнымъ дѣламъ.

2. Глава.

§ 3. Средніе вѣка.

Христіанство, своей какъ бы соціальной проповѣдью безусловнаго равенства всѣхъ людей передъ Богомъ, ничего существеннаго не измѣнило въ этомъ обезцѣненіи собственно соціальной проблемы, какъ таковой. Несмотря на то, что на бракъ и собственность христіанство никогда не посягало (богатство заслуживаетъ порицанія лишь вслѣдствіе связаннаго съ нимъ нравственнаго ущерба), однако взоръ основателя религіи и его учениковъ былъ слишкомъ исключительно направленъ на потусторонній міръ, чтобы на нихъ могли какъ-либо вліять матеріальные отношенія и интересы. Строго коммунистическая секта эссеевъ врядъ ли нашла себѣ сколько-нибудь значительный откликъ въ христіанствѣ. И этотъ фактъ не можетъ быть поколебленъ проникнутыми соціалистическимъ духомъ лозунгами нѣкоторыхъ погруженныхъ въ фантастическія мечты отцовъ Церкви (лишь одинъ еретикъ, который однако не былъ въ состояніи провести свои воззрѣнія въ жизнь, — Карпократъ, имѣлъ серьезные помыслы относительно коммунизма во всѣхъ отношеніяхъ); по сравненію съ единственно важнымъ дѣломъ спасенія души отходитъ на задній планъ забота о дѣлахъ повседневной жизни, земная жизнь превращается въ ничто, греческое міровое государство совершенно уступаетъ мѣсто христіанскому царству Божію. Тамъ царство грѣха, смерти, дьявола, здѣсь — искупленія, жизни, Бога; тамъ господствуетъ явный пессимизмъ, полнѣйшее презрѣніе ко всякимъ земнымъ благамъ, здѣсь

мистически возвышенный оптимизмъ, витающій среди заманчивыхъ эсхатологическихъ образовъ и видѣній. При такомъ догматически рѣзко подчеркнутомъ равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, весьма своеобразно поражаетъ обусловленная уже феодализмомъ пропасть, отдѣляющая здѣсь на землѣ властвующихъ отъ широкихъ массъ несвободныхъ и крѣпостныхъ. Несмотря на это роковое противорѣчіе, таившееся въ идеальномъ царствѣ Божіемъ бл. Августина, и несмотря на многія нападки какъ со стороны отдѣльныхъ геніальныхъ личностей, вродѣ Фридриха II, такъ и цѣлыхъ общинъ, „царство Божіе" устояло противъ всѣхъ бурь, тѣмъ болѣе, что вліятельный Ѳома Аквинскій, проповѣдывавшій монархію, какъ наиболѣе естественную и исторически имѣющую наибольшее право форму правленія, не заботился вовсе о хозяйственныхъ и соціальныхъ вопросахъ.

3. Глава. **Новое время.**

§ 4. Эпоха Возрожденія.

Столь необыкновенно богатая духовной жизнью и творчествомъ эпоха Возрожденія, которая прославилась тѣмъ, что вновь открыла индивидуумъ, какъ міровое историческое явленіе, — направила свое вниманіе и на соціальныя проблемы, и уже поэтому мы не можемъ обойти молчаніемъ такіе выдающіеся умы, какъ Данте и Макіавелли. Для великаго флорентинца средневѣковое феодальное государство уже преодолѣно; государство — самоцѣль, оно не служитъ болѣе средствомъ къ цѣли; и все-таки поэтъ проповѣдуетъ идеальный космополитизмъ, въ которомъ сбъединены, какъ въ общей родинѣ, всѣ истинно образованные люди. Въ эту эпоху возникаютъ зачатки современнаго общества расчлененной внутри, однородной группы

людей, различающихся по степени интеллектуальности и связанныхъ общимъ языкомъ и національностью; лишь въ эту эпоху раскрывается необходимая арена для свободнаго расцвѣта индивидуальности. Такъ, флорентинецъ Плетонъ начерталъ великолѣпный, хотя и не свободный отъ недостатковъ, планъ реформы для уничтоженія вопіющихъ злоупотребленій и горячей проповѣдью своихъ идей воспламенялъ умы къ живой политической дѣятельности. Наконецъ, съ наибольшею мощью, граничащей съ рѣзкою односторонностью, индивидуализмъ выраженъ у великаго государственнаго мужа Макіавелли, рѣшительный соціальный утилитаризмъ котораго воплощается въ культѣ мудраго властителя, безъ колебанія пускающаго въ ходъ всѣ средства для достиженія цѣли. Правда, превозносимый имъ обсолютизмъ представляется ему необходимимъ лишь какъ желательное средство для того, чтобы воспрепятствовать полнѣйшей анархіи, и посредствомъ принужденія и законнаго давленія предохранить отъ преступленіи людей, отъ самаго рожденія склонныхъ къ злу. Также и религію и культъ нужно рекомендовать для соціальной жизни изъ соображеній благоразумія.

§ 5. Адамъ Смитъ и начало политической экономіи.

Господствовавшее въ средніе вѣка натуральное хозяйство замѣнилось въ новое время, вмѣстѣ съ такъ назыв. меркантильной системой, господствомъ капитала (представленнаго главнымъ образомъ благородными металлами), и, вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ экономической основы, общество получаетъ иную форму и иной составъ; появляется характерная для соціализма фигура рабочаго, представителя четвертаго сословія, чтобы отнынѣ не сходить болѣе со сцены. Но признаніе благородныхъ металловъ исключительнымъ богатствомъ страны оказалось скоро роко-

вымъ заблужденіемъ; доказательство этому Смитъ приводилъ въ своемъ великомъ произведеніи „Wealth of Nations“, въ которомъ впервые всесторонне представлено было рѣшающее значеніе труда. Трудъ онъ прямо объявляетъ дѣйствительной цѣной товара, деньги — его номинальною цѣною. Этотъ господствующій факторъ труда, лишь въ раздѣленіи получающаго свою истинную цѣнность, разлагается на три момента: повышеніе трудоспособности, вызванная этимъ экономія времени и, наконецъ, машина, на совершенствѣ которой покоятся опять-таки обѣ другія предпосылки. Чтобы вызвать возможно большій сбытъ и живое товарообращеніе, вводится вновь принципъ свободной конкуренціи. Но цѣна произведеннаго продукта регулируется тѣмъ, что она должна стоять, по крайней мѣрѣ, на такой высотѣ, чтобы капиталистъ и рабочій имѣли при этомъ свой разсчетъ и свое пропитаніе, — минимумъ, который Смитъ называетъ естественной цѣной, являющейся противовѣсомъ безграничной конкурренціи, которая даже искусственно понижаетъ цѣну. Этотъ принципъ нашелъ себѣ впослѣдствіи наиболѣе рѣзкое выраженіе въ манчестерской свободѣ торговли; раздѣленіе труда — въ коммунистическомъ пролетаріатѣ, такъ какъ не отдѣльный рабочій выполняетъ работу, а группа, ассоціація. Что рабочій классъ долженъ поэтому также пользоваться соотвѣтствующей долей прибыли предпріятія, — этотъ выводъ настолько самъ собою понятенъ, что онъ и былъ, разумѣется, сдѣланъ вождями соціализма. Уже Смитъ подчеркивалъ, что существовавшая до сихъ поръ политическая организація служитъ лишь выгодѣ властвующихъ, богатыхъ, тогда какъ низшіе слои народа безправны. Поэтому Французская Революція и не преминула рѣшительно отмѣнить всѣ эти традиціонныя и санкціонированныя правовыя неравенства и тѣмъ подго-

товила прочную организацію рабочихъ и пролетаріата. Поэтому мы вынуждены сказать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько словъ.

Послѣ отмѣны привиллегій Національнымъ Собраніемъ послѣдовалъ затѣмъ, въ достопамятную ночь съ 4 на 5 августа 1789 г., бурный протестъ противъ тогдашняго общественнаго порядка, и было объявлено правовое равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, при чемъ замѣчательно, что о рабочемъ отдѣльно не думали. Лишь террористы, и прежде всего тріумвиратъ Дантона, Марата и Робеспіера, сдѣлалъ безумную попытку создать соціальное равенство путемъ ужаснѣйшихъ человѣкоубійствъ и отмѣнить частную собственность (Бриссо, напр., предвосхитилъ прудоновское положеніе: „собственность — воровство"), — этимъ былъ введенъ новѣйшій соціализмъ и коммунизмъ, призраки которыхъ еще доселѣ устрашаютъ общество.

§ 6. Современный соціализмъ.

Въ той великой борьбѣ, которую современный соціализмъ*) ведетъ противъ единовластія капитала, рѣшительно подчеркивается цѣнность труда, и такимъ образомъ проводится мысль, высказанная и обоснованная уже Смитомъ; соціализмъ, слѣдовательно, является компромиссомъ между коммунизмомъ и индивидуализмомъ. Соціологія занимается исключительно изученіемъ формъ общественной жизни людей на различныхъ ступеняхъ развитія, беретъ эти отношенія чисто научно и обосновываетъ ихъ; соціализмъ, наоборотъ, проникаетъ непосредственно въ практическую жизнь, ограничивается, главнымъ образомъ, новымъ временемъ и примѣшиваетъ къ своему изложенію значительный полеми-

*) Это столь часто употребляемое слово введено Пьеромъ Леруа, фанатическимъ приверженцемъ Сенъ-Симона.

ческій и агитаторскій элементъ, отнимающій отъ него желательную критическую безпристрастность и трезвость. Первымъ великимъ теоретикомъ соціализма является знаменитый, отрекшійся отъ своего высоко-аристскратическаго происхожденія Сенъ-Симонъ, полагающій, что право на наслажденіе даетъ только трудъ. На мѣсто прежняго военнаго государства вступаетъ покоющееся на возможно широкой основѣ государство промышленное (промышленность понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ для обозначенія всякаго труда), получающее свое внутреннее обоснованіе путемъ развитія симпатическихъ, гуманныхъ чувствъ. Его борьба направлена противъ состоятельнаго средняго сословія, будто бы воодушевленнаго единственно эгоистическими мотивами и занявшаго мѣсто феодальной аристократіи. Такъ какъ грубый индивидуализмъ въ этомъ сословіи еще болѣе усилилъ естественный эгоизмъ человѣка, то необходимо создать путемъ ассоціацій здоровое равновѣсіе и пробудить соотвѣтствующія чувства братства и равенства. Обязанностью правительства является предоставить каждому соотвѣтственное право на трудъ и, такимъ образомъ, по возможности удовлетворить желанія всѣхъ. Правительство должно поэтому соединиться съ рабочими противъ безплоднаго капитала, чтобы сломить его роковую власть. Путемъ привлеченія, наконецъ, религіозныхъ мотивовъ, евангеліе труда получаетъ печать вѣстника спасенія людей отъ невыносимаго гнета и матеріальной нужды. Тѣ же мысли преслѣдуетъ Ш. Фурье, возвышающій трудъ непосредственно въ наслажденіе, при чемъ онъ предоставляетъ для опредѣленной области широкій просторъ ассоціаціи равныхъ и нтересовъ при необходимомъ для современной жизни раздѣленіи труда. Такъ какъ люди работаютъ теперь уже не изъ нужды, но ради внутренняго удовлетворенія (ихъ способности вполнѣ принимаются во вниманіе) и взаимно объ-

цительность
:жней; онъ
ювую эру
антіей из-
гивополож-
выступаетъ
аключается
мъ придать
кую форму
енно нѣтъ
ели новаго
еоріи (ихъ
антастичны
е провести
го класса,
образсвать
ыросли съ
кія; госу-
ствомъ ра-
тва, устра-
, капитала.
даютъ су-
оложности
ѣ однород-
ги, горно-
я государ-
1 торговля
Наконецъ,
дъ фран-
жъ этого
ь системы
къ закон-
изреченіи

ческій и агитаторскій элементъ, отнимающій отъ него желательную критическую безпристрастность и трезвость. Первымъ великимъ теоретикомъ соціализма является знаменитый, отрекшійся отъ своего высоко-аристократическаго происхожденія Сенъ-Симонъ, полагающій, что право наслажденіе даетъ только трудъ. На мѣсто прежняго

привлеченія, наконецъ, религіозныхъ мотивовъ, ... труда получаетъ печать вѣстника спасенія людей отъ невыносимаго гнета и матеріальной нужды. Тѣ же мысли преслѣдуетъ Ш. Фурье, возвышающій трудъ непосредственно въ наслажденіе, при чемъ онъ предоставляетъ для опредѣленной области широкій просторъ ассоціаціи равныхъ и нтересовъ при необходимомъ для современной жизни раздѣленіи труда. Такъ какъ люди работаютъ теперь уже не изъ нужды, но ради внутренняго удовлетворенія (ихъ способности вполнѣ принимаются во вниманіе) и взаимно объ-

единяются въ союзы („фаланстеры“), то производительность ихъ значительно повышается въ сравненіи съ прежней; онъ полагаетъ, поэтому, что можетъ возвѣстить новую эру „гарантизма“, являющуюся для человѣка гарантіей извѣстнаго достатка въ жизни. И здѣсь, въ противоположность отрекающемуся отъ міра христіанству, выступаетъ

нымъ. Само собой разум[illegible]
заводская промышленность, банки и пр. становятся государственными, торговыя заведенія, розничная и оптовая торговля и т. п. открываются подъ надзоромъ государства. Наконецъ, Прудонъ, которымъ заканчивается этотъ рядъ французскихъ соціалистовъ, возвѣщаетъ уже упадокъ этого направленія, разрушая съ ѣдкимъ скептицизмомъ системы своихъ предшественниковъ и выступая уже, какъ законченный анархистъ, въ своемъ извѣстномъ изреченіи

ческій
тельнуı
Первым
нитый,
происхс
на насл.
военнагс
широкой
ность по
ченія вся
ваніе пут
Его борı
сословія,
скими мот
Такъ какъ
болѣе уси.
димо созда
будить соо
занностью
соотвѣтстве
можности
должно по
плоднаго ка
привлеченія,
труда получ
выносимаго
преслѣдуетъ
въ наслажден
ленной облас
нтересовъ пр
леніи труда.
нужды, но ра
ности вполнѣ принимаются во вниманіе) и взаимно объ-

единяются въ союзы („фаланстеры"), то производительность ихъ значительно повышается въ сравненіи съ прежней; онъ полагаетъ, поэтому, что можетъ возвѣстить новую эру „гарантизма", являющуюся для человѣка гарантіей извѣстнаго достатка въ жизни. И здѣсь, въ противоположность отрекающемуся отъ міра христіанству, выступаетъ нескрываемая радость земной жизни; дѣло заключается лишь въ томъ, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ придать этимъ матеріальнымъ наслажденіямъ гармоническую форму (о революціонныхъ движеніяхъ также совершенно нѣтъ рѣчи). Но тогда какъ до сихъ поръ представители новаго общественнаго порядка устанавливали лишь теоріи (ихъ случайные практическіе проекты были слишкомъ фантастичны и неосуществимы), Луи Бланъ пытался впервые провести въ жизнь дѣйствительную организацію рабочаго класса, чтобы тѣмъ самымъ въ самомъ основаніи преобразовать государственный строй. Изъ права на трудъ выросли съ властной необходимостью національныя мастерскія; государственный соціализмъ долженъ былъ посредствомъ рабочихъ коалицій, подлежащихъ надзору государства, устранить безграничную конкурренцію индивидуализма, капитала. Въ реорганизованномъ обществѣ естественно отпадаютъ существовавшія историческія и соціальныя противоположности въ народномъ организмѣ, ставшемъ теперь вполнѣ однороднымъ. Само собой разумѣется, что желѣзныя дороги, горнозаводская промышленность, банки и пр. становятся государственными, торговыя заведенія, розничная и оптовая торговля и т. п. открываются подъ надзоромъ государства. Наконецъ, Прудонъ, которымъ заканчивается этотъ рядъ французскихъ соціалистовъ, возвѣщаетъ уже упадокъ этого направленія, разрушая съ ѣдкимъ скептицизмомъ системы своихъ предшественниковъ и выступая уже, какъ законченный анархистъ, въ своемъ извѣстномъ изреченіи

„собственность — воровство“. (Положеніе это направлено, разумѣется, не противъ правомѣрной, личнымъ трудомъ пріобрѣтенной собственности, но противъ дохода безъ труда, противъ ренты). Конечно, онъ съ жестокой ненавистью преслѣдуетъ и капиталъ и вмѣсто него проповѣдуетъ общую для всѣхъ обязательность труда; тогда сама собою отпадетъ мертвая, не связанная съ трудомъ собственность, и остается еще лишь владѣніе, индивидуальный капиталъ, который долженъ быть пущенъ въ оборотъ. Въ республикѣ будущаго нѣтъ никакой верховной власти, во главѣ народа стоитъ академія наукъ, народъ является стражемъ закона и представителемъ исполнительной власти. Въ противоположность Руссо, Прудонъ считаетъ людей отъ природы не добрыми, а въ высшей степени себялюбивыми и злыми, и поэтому необходимы особыя мѣры воздѣйствія, чтобы превратить человѣка въ высшее нравственное существо. Мѣры эти заключаются въ трудѣ, этическое и воспитательное значеніе котораго Прудонъ рисуетъ въ блестящихъ краскахъ. Даже машины нисколько не уменьшаютъ цѣнности труда, какъ часто склонны бываютъ думать; безъ труда не можетъ быть машинъ, и задача заключается лишь въ томъ, чтобы внутренне почитать трудъ, какъ таковой, дабы онъ могъ поднять человѣка на высшую ступень существованія.

Всѣ эти, частью весьма фантастическія, изслѣдованія и предложенія получаютъ свою научную чеканку впервые у Карла Маркса, — признаннаго вождя и основателя нѣмецкаго соціализма. Во всеоружіи философской критики (Марксъ вышелъ изъ школы Гегеля) онъ перенесъ знаменитый діалектическій методъ на политическую экономію и присоединяясь къ ученію Тэна о „средѣ“, обосновалъ строго матеріалистическое міровоззрѣніе, считащееся только съ внѣшними факторами, — міровоззрѣніе, въ которомъ въ возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи государства выдаю-

щуюся роль играетъ борьба классовъ и интересовъ различныхъ группъ. Въ критическомъ разсмотрѣніи различаются три эпохи производства: рабство въ древности, барщина въ средніе вѣка, гдѣ феодалъ извлекаетъ собственную выгоду изъ труда подвластныхъ крестьянъ, и, наконецъ, современный капитализмъ, на первый взглядъ кажущійся значительнымъ прогрессомъ, но разсмотрѣнный при свѣтѣ критики, сводящій мнимую свободу рабочаго къ иллюзіи. Рабочая сила, которая прежде была только средствомъ производства, теперь низводится капитализмомъ до степени товара, который и покупается; то, что сообщаетъ какому-либо предмету его цѣнность (т. назыв. субстанція, образующая цѣнность), есть именно человѣческій трудъ, затраченный на его изготовленіе. Но капиталъ увеличивается нездоровымъ путемъ — посредствомъ накопленія неоплаченнаго рабочаго времени и неоплаченной рабочей силы; гибель этого недостойнаго, безнравственнаго способа производства, необходимо обуславливающаго, съ другой стороны, нарожденіе пролетаріата, несомнѣнна уже потому, что безграничная конкурренція уничтожаетъ отдѣльные капиталы, за исключеніемъ лишь колоссальныхъ. Кромѣ того, фабрики создаютъ наилучшую почву для распространенія соціалистическихъ идей.

Роковой ошибкой всего этого построенія является послѣдовательное пренебреженіе идеальными факторами, механизація изготовленія предметовъ, обладающихъ цѣнностью, отожествленіе способа труда и его цѣнности (количества и качества). Въ этомъ изслѣдованіи, обращающемъ вниманіе исключительно на внѣшній механизмъ производства, духовное, нравственное значеніе труда не получаетъ должной оцѣнки. Конечно, ни въ какой теоріи общества нельзя пренебрегать соціальными факторами въ ихъ наиболѣе широкомъ объемѣ (впрочемъ, сюда слѣдуетъ

включить еще нѣкоторые другіе моменты, какъ, напр., почву, климатъ, жилище и пр.), но точно такъ же нельзя, съ другой стороны, пренебрегать нравственными или духовными отношеніями; ибо, въ концѣ концовъ, всѣ организаціи и союзы сводятся къ индивидууму и къ живому творческому сознанію.

Марксъ надѣялся на возстаніе рабочихъ всѣхъ странъ и наряду съ этимъ на объединеніе всѣхъ пролетаріевъ; наоборотъ, умный политикъ Лассаль преслѣдовалъ болѣе близкія цѣли; онъ началъ съ національнаго соціализма, чтобы, быть можетъ, затѣмъ направить его на болѣе широкій путь. Онъ хотѣлъ (сначала для Пруссіи) вызвать къ жизни подъ государственный заемъ въ 100 милліоновъ марокъ, рабочія организаціи, чтобы побороть „желѣзный законъ заработной платы", заимствованный имъ у Рикардо. Добрая воля отдѣльнаго человѣка вообще безсильна противъ неограниченной конкурренціи. Эта организація производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ должна была служить лишь первымъ шагомъ къ рѣшенію великаго соціальнаго вопроса, но не окончательнымъ рѣшеніемъ его, — для этого Лассаль былъ слишкомъ трезвымъ политическимъ дѣятелемъ, несмотря на все пламенное краснорѣчіе, которымъ онъ обладалъ.

Область политической экономіи въ настоящемъ смыслѣ лежитъ внѣ рамокъ нашего разсмотрѣнія; мы назовемъ лишь двухъ ея наиболѣе значительныхъ представителей, — Листа и Родбертуса. Первому принадлежитъ та заслуга, что онъ, въ противоположность чисто математической формулѣ рабочаго времени и затраченной рабочей силы, обратилъ надлежащее вниманіе на полную цѣнность всей нераздѣльной человѣческой личности. До тѣхъ поръ духовныя и нравственныя силы человѣка или совсѣмъ не

принимались въ соображеніе, или же слишкомъ обезцѣнивались. То же самое нужно сказать и о національности, которую необходимо принять въ соображеніе, какъ весьма вліятельный факторъ, при всѣхъ интернаціональныхъ планахъ будущаго и всѣхъ коалиціяхъ; значеніе народа не исчерпывается возможно болѣе интенсивнымъ хозяйственнымъ производствомъ цѣнностей, но заключается во всестороннемъ развитіи его духовныхъ способностей. Ближайшей цѣлью Листа было, все-таки, примиреніе другъ съ другомъ противоложныхъ интересовъ различныхъ отраслей, — земледѣлія, торговли и промышленности: лишь тогда будетъ отчасти рѣшена задача современнаго государства. Родбертусъ также является, въ извѣстномъ смыслѣ, представителемъ національной точки зрѣнія; однако, съ другой стороны онъ приближается къ Марксу въ сведеніи цѣнности труда на время или въ коммунизмѣ земли и капитала; но онъ надѣется, что путемъ глубокихъ соціальныхъ преобразованій и реформъ, какъ, напр., измѣненіемъ тарифа національной заработной платы или національнаго рабочаго дня и т. д., можно будетъ предотвратить грозящую катастрофу, полное крушеніе капиталистическаго производства. Мы не можемъ здѣсь слѣдить далѣе за чисто политическою формулировкою этихъ мыслей съ сдѣланными изъ нихъ выводами со стороны ли консервативнаго государственнаго соціализма, или христіанскихъ соціалистовъ, или же, наконецъ, такъ назыв. манчестерской партіи; въ слѣдующихъ параграфахъ мы разсмотримъ лишь то, что сдѣлалъ катедеръ-соціализмъ (и преимущественно Шеффле) для построенія соціологическаго міровоззрѣнія.

§ 7. Главные представители современной соціологіи.

1. Контъ.

Уже въ 1721 г. Джованни-Батиста Вико въ своей „Новой наукѣ" о природѣ націй сдѣлалъ попытку начертать, хотя и въ стилистически невозможной формѣ и вполнѣ метафизическомъ духѣ, обширную соціологію; во всякомъ случаѣ онъ стремился найти среди путаницы отдѣльныхъ явленій извѣстные общіе, господствующіе законы соціальнаго развитія. Настоящимъ научнымъ обоснованіемъ этой науки мы обязаны Огюсту К о н т у, на котораго въ свою очередь повліялъ С. Симонъ. Прежде всего устанавливается чисто индуктивный, основанный исключительно на фактахъ характеръ изслѣдованія, лишь впослѣдствіи направляемаго на отысканіе законовъ, и этимъ отклоняется всякая метафическая спекуляція, выходящая за предѣлы точнаго опыта. Затѣмъ устанавливается зависимость соціологіи прежде всего отъ біологіи, т. е. отъ ученія о человѣческомъ организмѣ и о вліяніи на него внѣшняго міра; такимъ образомъ духовный и нравственный прогрессъ человѣка прямо обусловливается знаніемъ законовъ неорганической природы. Важное значеніе имѣетъ, наконецъ, исключеніе изъ изученія соціологіи всякихъ индивидуальныхъ настроеній и чувствъ, ибо соціологія занимается исключительно установленіемъ законовъ с о ц і а л ь н а г о развитія. Послѣднее представляется намъ человѣчествомъ, мысленно воплощеннымъ во образѣ одного всеобъемлющаго органическаго индивидуума, при чемъ, въ виду недостатка болѣе точныхъ этнографическихъ знаній, опредѣляющимъ является составъ европейскихъ народовъ. Вообще, спекуляція еще значительно преобладаетъ надъ трезвымъ из-

слѣдованіемъ фактовъ, напр., въ опредѣленіи религіозныхъ формъ, въ особенности же фетишизма.

2. Кетле.

Бельгійскій статистикъ Кетле стремился построить соціологію болѣе объективно; онъ всюду обращаетъ взоръ наблюдателя отъ дѣянія отдѣльнаго человѣка на то типическое состояніе общества, въ которомъ постоянно повторяются одни и тѣ же явленія. Въ сравненіи съ полученными такимъ путемъ явленіями, подчиненными закономѣрнымъ, общимъ и неизбѣжнымъ причинамъ, — индивидуальные моменты не играютъ никакой роли; всякая, какъ будто даже точно обоснованная независимость подчиняется строгой необходимости всего происходящаго. И здѣсь человѣчество или человѣческое общество разсматривается, какъ громадный индивидуумъ, какъ комплексъ различныхъ народовъ, развитіе которыхъ отражаетъ, слѣдовательно, физическій и психическій ростъ человѣчества. Средствомъ для этого изслѣдованія служитъ безконечная сумма статистическихъ данныхъ, объединяемыхъ закономъ большихъ чиселъ.

3. Спенсеръ.

У знаменитаго англійскаго философа отношеніе соціологіи къ біологіи является, насколько только возможно, еще болѣе тѣснымъ, ибо каждый организмъ (въ томъ числѣ и человѣческое общество) обуславливается взаимною зависимостью отдѣльныхъ частей другъ отъ друга; чѣмъ бо́льшею становится дифференціація, тѣмъ высше ступень даннаго развитія; это относится какъ къ біологическому, такъ и къ соціальному росту. И подобно тому, какъ тѣло человѣка весьма значительно измѣняется благодаря внѣшнимъ вліяніямъ, благодаря климату, окружающей средѣ, профессіи, добыванію средствъ къ жизни и т. д.,

точно такъ же измѣняется и структура государства путемъ духовнаго развитія всѣхъ гражданъ. Поэтому соціологія, основанная на строго позитивномъ наблюденіи фактовъ, должна изслѣдовать ростъ, строеніе и функціи соціальнаго аггрегата, образованнаго безпрестаннымъ взаимодѣйствіемъ индивидуумовъ. Конечно, эта аналогія понимается лишь въ переносномъ значеніи, а не какъ непосредственная дѣйствительность, такъ что органическія и соціальныя явленія не прямо тожественны, какъ у другихъ соціологовъ, рѣчь о которыхъ будетъ ниже; тѣмъ не менѣе этотъ намѣченный параллелизмъ внѣшне важенъ для методологическаго обоснованія соціологіи; это видно уже изъ того, что Спенсеръ разсматриваетъ возникновеніе общества согласно строго біологической схемѣ; именно, однородная до сихъ поръ масса дифференцируется на все болѣе мелкія ячейки. Особенно энергично оспариваетъ онъ, наконецъ, обычную культурно-историческую нетерпимость и предубѣжденность сужденій въ соціологіи; вмѣсто этого онъ справедливо требуетъ безусловнаго отрѣшенія отъ всѣхъ аффектовъ и личныхъ симпатій при изученіи соціальныхъ явленій, въ особенности же, отъ обычной переоцѣнки значенія индивидуума.

4. Лиліенфельдъ.

Только что затронутая нами аналогія между соціальнымъ и органическимъ развитіемъ, была какъ уже указано, понята нѣкоторыми изслѣдователями буквально и положена въ основу ихъ построеній; такъ, Лиліенфельдъ разсматриваетъ человѣческое общество, какъ дѣйствительный организмъ, регулируемый тѣми же законами, какъ и всѣ прочія біологическія существа въ природѣ. Извѣстная теорія клѣтокъ Вирхова допускаетъ, такимъ образомъ, непосредственное ея примѣненіе къ образованію и росту человѣ-

ческихъ союзовъ (отдѣльные индивидуумы, питающіеся соціальными продуктами, соотвѣтствуютъ клѣткамъ; физіологическая сторона развитія растеній и животныхъ соотвѣтствуетъ экономической сторонѣ въ соціальной жизни); общественныя ассоціации въ свою очередь составляются изъ индивидуумовъ, родовъ, общинъ, сословій и пр. Что здѣсь кроется опасное заблужденіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ живыми, конкретными организмами, а исключительно съ организаціями, это ясно съ перваго взгляда; но до настоящаго времени это смѣщеніе имѣло роковыя послѣдствія. Справедливо, впрочемъ, подчеркивается великій естественно-научный законъ, по которому индивидуумъ повторяетъ въ своемъ ростѣ основныя черты исторіи рода, только въ сжатыхъ общихъ очертаніяхъ (тожество онтогеніи и филогеніи); при этомъ народовѣдѣніе, изслѣдованіе низшихъ цивилизацій и т. д. — получаютъ свою достойную объективную психологическую оцѣнку. Наконецъ, статистика получаетъ должное значеніе въ смыслѣ опредѣленія такъ назыв. средняго человѣка изъ какого-либо сословія, народа, или изъ какой-либо расы. При всемъ томъ, безпристрастному, строго объективному изслѣдованію и провѣркѣ фактовъ, совершающимся яксбы на чисто эмпирической почвѣ, наносится не малый ущербъ предвзятыми спекулятивными мнѣніями.

5. Шеффле.

Извѣстный политикоэкономъ, Шеффле, точно также разсматриваетъ соціальное тѣло, цивилизацію, какъ дѣйствительный живой организмъ, состоящій изъ человѣческихъ личностей и благъ, и съ другой стороны изъ единицъ населенія и народнаго богатства. Этотъ организмъ является не только морфологически и анатомически, но и функціонально (физіологически) живой индивидуальностью высшаго

порядка, являющейся по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ и группамъ постоянною интеллектуальною силой и величиной. Этотъ біологическій параллелизмъ, съ другой стороны, принимаетъ у Шеффле болѣе широкіе размѣры, поскольку соціальное тѣло представляетъ такое соціально-психическое объединеніе всѣхъ членовъ, въ которомъ ихъ дѣятельность проявляется самымъ различнѣйшимъ образомъ (общность труда, взаимное пониманіе, традиція и литература, исторія, искусство, обычаи, право, вѣра и т. д). Отдѣльный человѣкъ настолько неразрывно связанъ съ общественнымъ организмомъ, что вмѣстѣ съ его отдѣленіемъ отъ этой первоосновы, отъ общества, тотчасъ же начинается духовное разложеніе и одичаніе. Эта внутренняя связь, это непосредственное взаимодѣйствіе особенно очевидны въ широкой области права и обычая, нормативное значеніе которыхъ никогда не можетъ быть понято съ чисто индивидуалистически-спекулятивной точки зрѣнія; отрадно, что это пониманіе проникаетъ во все болѣе широкіе круги. Не только данныя народовѣдѣнія, но и психологію и психофизику привлекаетъ Шеффле въ цѣляхъ изслѣдованія, чтобы достигнуть правильной точки зрѣнія какъ въ обосновании даннаго явленія, такъ и въ точномъ объяснении его.

6. Гумпловичъ.

Въ рѣзкой противоположности къ только что изложенному воззрѣнію и ко всѣмъ метафизическимъ конструкціямъ Гумпловичъ исходитъ исключительно изъ той точки зрѣнія, что лишь соціальныя группы являются единственными достойными вниманія объектами соціологіи. Первоначальными, простѣйшими формами являются для него первобытныя, вѣроятно, не особенно многочисленныя человѣческія орды, изъ дифференціации которыхъ образовались затѣмъ всѣ дальнѣйшіе союзы. Рѣчь идетъ, слѣдовательно,

не о непрерывномъ возрастающемъ развитіи однороднаго человѣчества и не объ опредѣленіи различныхъ періодовъ этого развитія, — какъ это всегда утверждалось, между прочимъ, и Контомъ, — но лишь объ одновременномъ развитіи безконечно различныхъ состояній, которыя всѣ сводятся ко взаимодѣйствію первоначальныхъ группъ, все еще встрѣчающихся на различныхъ уголкахъ земного шара. Въ виду этого само собою должна отпасть и обычная хронологическая система распредѣленія соціологическаго матеріала, мѣсто которой должна заступить типическая закономѣрность, неизмѣнно проникающая собою всѣ процессы соціальнаго роста и напоминающая о вѣчномъ круговоротѣ всего совершающагося. Поэтому Гумпловичъ столь же рѣшительно отклоняетъ всякіе спекулятивные выпады противъ трезваго опыта, всякое метафизическое изслѣдованіе о началѣ всѣхъ вещей, какъ и традиціонную индивидуально-психологическую точку зрѣнія о независимости и творческой силѣ сувереннаго „я". Источникъ всякой психической дѣятельности лежитъ не въ индивидуумѣ, а въ окружающей его общественной средѣ.

7. Летурно.

Въ противоположность разсмотрѣннымъ нами весьма гипотетическимъ, чтобы не сказать фантастическимъ, воззрѣніямъ на соціальныя проблемы, благотворно вліяетъ критическое спокойствіе и трезвость Летурно, ограничивающаго область соціальныхъ изслѣдованій строгимъ наблюденіемъ фактовъ. Вслѣдствіе этого основного положенія должно отступить на задній планъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, столь понятное стремленіе къ о б щ и м ъ законамъ развитія. Прежде всего необходимо собрать надежный, критически разработанный матеріалъ, который французскій изслѣдователь заимствуетъ по бóльшей части изъ народо-

вѣдѣнія. Справедливо отклоняетъ Летурно преувеличенную оцѣнку значенія „среды" и, наоборотъ, подчеркиваетъ значеніе расы и индивидуальности народа. Рѣшающую роль играетъ у него сравнительная соціально-психологиче ская точка зрѣнія, обобщающая основныя черты духовнаго развитія; такая точка зрѣнія вполнѣ примѣнима, между прочимъ, и къ области миѳологіи и религіи (миѳа), въ которой при всѣхъ отклоненіяхъ все же замѣтно извѣстное сходство въ основныхъ чертахъ. Такъ, напр., возможно дать вполнѣ связное и послѣдовательное сопоставленіе и обозрѣніе возникновенія и развитія идей о загробной жизни, вѣрѣ въ боговъ и т. п. Такимъ же путемъ Летурно подвергъ сравнительному этнологическому изслѣдованію структуру различнѣйшихъ человѣческихъ формъ организацій, начиная отъ простѣйшихъ и кончая наиболѣе сложными.

8. Бастіанъ.

Соціологія, чтобы не впасть въ фантастическія гипотезы, постоянно должна сохранять непосредственную связь съ фактами жизни народовъ; этимъ обусловливается соціально-психологическая точка зрѣнія, хотя, съ другой стороны вполнѣ можно согласиться съ тѣмъ, что всѣ явленія соціальной жизни сводятся, въ концѣ концовъ, къ индивидуальному сознанію. Но индивидуальное сознаніе является предметомъ уже не соціологическаго, но исключительно метафизическаго разсмотрѣнія, такъ что эта проблема лежитъ внѣ тѣсныхъ рамокъ нашей науки. Эту точку зрѣнія ясно установилъ и предохранилъ отъ ложнаго толкованія Адольфъ Бастіанъ, основатель современной этнологіи, обновивъ и углубивъ старое аристотелевское положеніе, что человѣкъ по своей природѣ — существо соціальное. Для Бастіана во всѣхъ

его изслѣдованіяхъ, обнимающихъ весь міръ, дѣло заключается въ психологическомъ познаніи постепеннаго роста человѣка въ религіи, миѳѣ, правѣ, обычаѣ, искусствѣ и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ въ установленіи опредѣленныхъ, закономѣрныхъ типовъ при всѣхъ варіаціяхъ этого въ основныхъ чертахъ однороднаго процесса; этотъ процессъ выходитъ далеко за предѣлы культурно-историческихъ границъ и рамокъ даннаго языка и лишь въ этомъ абсолютномъ завершеніи даетъ намъ до сихъ поръ напрасно искомую модель общечеловѣческаго. Опытъ показываетъ намъ человѣка, народы и племена всегда въ непосредственной зависимости отъ круга идей данной среды, — только искусственная абстракція разрываетъ эту органическую связь, — и чтобы понять весь этотъ процессъ, надлежитъ тщательно расчленить среду на ея составные элементы. Такимъ образомъ мы получаемъ индуктивную исторію человѣческаго сознанія, сравнительную картину великихъ, двигающихъ идей, находящихъ себѣ обязательное выраженіе въ соціально-психическихъ твореніяхъ языка, религіи, обычаевъ и т. д. Для реконструкціи нашего собственнаго духовнаго развитія, далеко выходящаго за предѣлы данной культуры, намъ необходимы данныя народовѣдѣнія, такъ какъ въ нихъ съ наглядной ясностью предстаютъ предъ нами первые невзрачные зародыши позднѣйшаго расцвѣта, а въ міровоззрѣніи первобытныхъ народовъ, — къ которымъ относятся то съ пренебреженіемъ, то съ сентиментально преувеличеннымъ восхищеніемъ, — мы находимъ зачатки и исходные моменты всѣхъ позднѣйшихъ представленій и воззрѣній. Въ этомъ смыслѣ современное народовѣдѣніе является наукой вполнѣ соціологической или соціально-психологической, ибо оно всегда исходитъ изъ данныхъ въ опытѣ различныхъ соціальныхъ группъ и изъ проявляющагося въ нихъ процесса роста; эти группы, а

не изолированный индивидуумъ, служатъ народовѣдѣнію конечнымъ исходнымъ пунктомъ для индуктивнаго изслѣдованія.

Отдѣлъ II.

Отношеніе соціологіи къ другимъ наукамъ.

§ 8. I. Біологія.

Едва ли необходимо особенно доказывать, что мы въ этомъ общемъ обзорѣ можемъ излагать отношеніе соціологіи къ другимъ родственнымъ наукамъ только въ очень сжатой формѣ; всякое дальнѣйшее разсмотрѣніе деталей немыслимо, такъ какъ оно вывело бы насъ за предѣлы нашей задачи. Связь соціологіи съ біологіей явствуетъ уже изъ того факта, что соціальныя группы въ концѣ концовъ сводятся къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Вслѣдствіе этого, ступени соціальнаго развитія зависимы отъ извѣстныхь біологическихъ предпосылокъ и положеній; это оказывается настолько вѣрнымъ, что, напр., дифференціація, — первое условіе возникновенія организма, — повторяется и въ соціальной жизни. Безъ такихъ преобразованій первоначально безформенныхъ массъ — соціальное развитіе, такъ, напр., возникновеніе главенства или вообще сословій было бы совершенно невозможно. Необходимымъ условіемъ для этого является, какъ уже указано, общественный союзъ. Такимъ путемъ мы приходимъ къ разсмотрѣнію человѣка, какъ біологическаго индивидуума, руководимаго чисто эгоистическими влеченіями, необходимыми для самосохраненія (питаніе, приспособленіе, защита противъ нападеній и т. п.), хотя уже сравнительно рано, въ противоположность этому, наблюдаются этическіе мотивы

отчасти вызванные естественнымъ кровнымъ родствомъ (напр., симпатія, чувства авторитета и др.). Вмѣстѣ съ потребностью къ дальнѣйшему развитію, къ размноженію индивидуальнаго типа появляется внутри данной маленькой группы взаимная конкурренція, соревнованіе изъ-за хозяйственныхъ благъ. Чѣмъ безграничнѣе стремится развиться индивидуальность, тѣмъ чаще наталкивается она во внѣшнемъ мірѣ, въ окружающей средѣ, — спокойное состояніе которой нарушается, — на болѣе или менѣе непреодолимое препятствіе; такимъ образомъ, всякое одностороннее выступленіе имѣетъ своимъ слѣдствіемъ соотвѣтствующій отпоръ и извѣстное равновѣсіе. Изъ этой вѣчной противоположности между притяженіемъ и отталкиваніемъ получается постоянное измѣненіе соціальнаго равновѣсія, находящаго себѣ весьма значительную поддержку въ постепенномъ все болѣе сильномъ развитіи общеполезныхъ (альтруистическихъ) побужденій. Изъ этихъ первоначальныхъ напряженныхъ отношеній отдѣльныхъ индивидуумовъ другъ къ другу — въ предѣлахъ сначала еще малорасчлененной или почти нерасчлененной группы — возникаютъ всѣ дальнѣйшія попытки организаціи человѣческой расы. Первоначально эгоистическій человѣкъ чувствуетъ себя вынужденнымъ признать общій порядокъ вещей, который онъ потомъ уже самъ (въ своихъ же интересахъ) защищаетъ отъ дальнѣйшихъ посяганій. Такимъ образомъ, біологія — при помощи результатовъ своего изученія процесса роста организмовъ, важности ихъ функцій, значенія дифференціаціи и т. д. — доставляетъ соціологіи весьма важный матеріалъ; но при этомъ необходимо всегда имѣть въ виду, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ аналогіями и параллелями, которыя не слѣдуетъ переносить на соціологію безъ дальнѣйшихъ оговорокъ. Біологическій конкретный организмъ совершенно отличается оть соціальнаго. Орга-

ническія клѣтки въ тѣлѣ человѣка являются, въ лучшем случаѣ, лишь образомъ, лишь сравненіемъ для соо вѣтствующихъ индивидуумовъ, совмѣстно живущихъ внутр опредѣленной организаціи. Недостаетъ (не говоря уже об всемъ остальномъ) механической связи, непосредственнаг функціонированія одной части для другой, взаимной физіол гической зависимости и взаимодѣйствія элементовъ и т. Эта связь создается въ соціальной средѣ всевозможным средствами психическаго характера (языкомъ, наглядным изображеніемъ, танцами, выразительными движеніями и т. п. ведущими затѣмъ къ самостоятельнымъ, не обусловленным только внѣшней, механической причинностью продуктам соціально-психическихъ явленій.

§ 9. 2. Политическая экономія (ученіе о хозяйствѣ и статистика.

Широкая область хозяйственной жизни также имѣет выдающееся значеніе для соціологіи, хотя было бы одн сторонне выводить все соціальное развитіе изъ борьб интересовъ. Тѣмъ не менѣе неоспоримо, что матеріальн условія существованія въ самомъ широкомъ смыслѣ сло образуютъ фундаментъ для всѣхъ ассоціацій. Извѣст тѣ общія схемы охотничьихъ и рыболовныхъ, кочевы и земледѣльческихъ племенъ, при помощи которыхъ п тались опредѣлить соціальное и хозяйственное развит Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что хозяйственныя фор также участвовали въ опредѣленіи формъ организац У охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ мы больш частью находимъ непрочный строй, слабо выражен главенство; въ стадіи земледѣлія мы находимъ рѣзк подраздѣленіе общества на сословія и касты, сильно р витую верховную власть съ соотвѣтственнымъ феодальны расчлененіемъ и т. д. Отъ этихъ экономическихъ осно

не менѣе зависимы формы родства и брака и даже формы собственности и права вообще. У дикихъ кочующихъ племенъ едва замѣтны слѣды индивидуальной собственности; существуетъ лишь коммунальное владѣніе (оружіе и орудія способствуютъ большей частью переходу къ частной собственности), выгоны и охотничьи земли составляютъ собственность племени, отдѣльному человѣку предоставлено лишь право пользованія. Этимъ, понятно, оказывается существенное вліяніе на право и обычай; формы родства и брака, отношеніе дѣтей къ родителямъ, организація рода, матріархальный или патріархальный типъ союза, — все это въ большей или меньшей степени зависитъ отъ хозяйственныхъ основъ, отъ тѣхъ или иныхъ способовъ производства и т. п. Даже для нашихъ современныхъ отношеній имѣютъ значеніе эти вліянія, проявляющіяся, напр., въ формѣ борьбы интересовъ; и здѣсь хозяйственные моменты могутъ оказаться роковыми для всего состоянія культуры. То же самое относится и къ знакомымъ намъ формамъ натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства, съ теченіемъ времени взаимно смѣняющимъ другъ друга; эти формы вполнѣ обусловлены соціальными отношеніями, именно здѣсь находящими себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе. Обращая вниманіе исключительно на матеріальную основу, одностороннее направленіе современнаго соціализма тѣмъ самымъ, очевидно, недостаточно оцѣниваетъ духовное значеніе важнаго для соціальной проблемы общаго міровоззрѣнія; близорукимъ и поверхностнымъ является, напр., взглядъ на рабочій вопросъ исключительно съ точки зрѣнія механическаго принципа толчка и давленія. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ детали производства, товарообмѣна, средствъ платежа, которыя въ поразительномъ совпаденіи можно прослѣдить у различнѣйшихъ племенъ и народовъ.

То же самое относится и къ статистикѣ, значеніе которой, напр., для географіи и исторіи культуры насъ здѣсь не интересуетъ. Ея точка зрѣнія является соціологической, лишь поскольку она совершенно не считается съ отдѣльнымъ человѣкомъ и разсматриваетъ его, какъ составную часть цѣлаго; для такого пониманія существуютъ только соціальныя группы или такъ наз. средній человѣкъ для каждой ступени органическаго развитія; отсюда получаются болѣе общіе законы психическаго процесса развитія. Исходя изъ чисто физіологическихъ явленій и провѣряя затѣмъ многостороннюю связь человѣка съ обществомъ, статистическое изслѣдованіе разсматриваетъ по восходящей линіи соціальную зависимость индивидуума и, такимъ образомъ, рисуетъ попутно и картину духовнаго развитія. Такимъ путемъ могутъ быть, безъ сомнѣнія, получены нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія объ этой строго закономѣрной связи нашихъ дѣйствій; но можемъ ли мы — по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи матеріала — дойти до общезначимыхъ опредѣленій, — это болѣе чѣмъ сомнительно, какъ невозможно также и отрицать того обстоятельства, что въ статистикѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ числовыми величинами. Но духовная жизнь во всемъ ея объемѣ, все, что по истинной природѣ своей указываетъ на соціально-психическое происхожденіе — религія, миѳы, обычаи, право и т. п. — выходитъ далеко за предѣлы этой сравнительно узкой области чиселъ.

§ 10. 3. Политика.

Если мы будемъ разсматривать политику, какъ ученіе о государствѣ, то она занимается главнымъ образомъ высшей формой человѣческой жизни, тогда какъ соціологія обнимаетъ всѣ формы человѣческихъ организацій. Внутри этой широкой области мы находимъ разнообразнѣйшія

ступени; съ одной стороны, звѣрскій деспотизмъ турецкаго султана или древнеегипетскаго властелина, съ другой — современное конституціонное королевство или слабый конгломератъ южно-американскихъ республикъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь союзы, которые едва превосходятъ простыя товарищескія организаціи; тѣмъ не менѣе право и обычаи развились уже въ нихъ до опредѣленныхъ установленій; въ большинствѣ случаевъ уже существуютъ начала письменности. Впрочемъ, формы ассоціаціи необыкновенно подвержены необычайнымъ колебаніямъ; товарищескій типъ обусловливаетъ республиканскую форму, аристократическій — феодальную. Къ этому присоединяется еще представительная система, по возможности открыто выражающая волю народа; даже при абсолютизмѣ къ услугамъ правителя имѣется совѣщательная коллегія, являющаяся посредницей въ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ. Лишь въ современномъ правовомъ міровоззрѣніи отдѣльный человѣкъ возвысился до степени вполнѣ свободнаго и отвѣтственнаго субъекта права, и его отношенія къ окружающему, къ обществу и государству регулируются точной системой правъ и обязанностей. Поэтому можно считать, что величайшей задачей государства является объективное установленіе дѣйствительно удовлетворительной гармоніи между индивидуальными притязаніями и коллективными интересами, находящими свое соотвѣтствующее выраженіе въ данной формѣ организаціи. Для всего облика государства въ концѣ концовъ рѣшающимъ вляется національный моментъ, одинаковое этническое происхожденіе, общій языкъ, обычаи, религія и пр., ассимиляція разнородныхъ элементовъ ради благополучія всего организма, иначе эта цѣльная форма распадется. На долю общества остается несравненно болѣе широкое поле дѣятельности; къ соціальной градаціи присоединяется еще

духовная дифференціація, обуславливаемая различными ступенями образованія, тогда какъ, наоборотъ, за тѣсными предѣлами государства общій интеллектуальный типъ можетъ объединить членовъ различныхъ націй.

§ 11. 4. Историческая наука.

Историческая наука изучаетъ жизнь народовъ, поскольку ее можно прослѣдить на основаніи опредѣленныхъ устныхъ преданій, памятниковъ письменности и вещественныхъ остатковъ старины; исторія изслѣдуетъ область высшей культуры, а не примитивное естественное состояніе. Послѣдней стадіей развитія этой науки, проводящей также культурно-историческія параллели между различными стоящими приблизительно на одной и той же ступени народами, — является такъ наз. всеобщая исторія, охватывающая всю картину человѣчества въ процессѣ его духовнаго роста (всегда исключая естественное состояніе), и философія исторіи, — весьма гипотетическая дисциплина, восходящая къ извѣстнымъ общимъ законамъ; впрочемъ, въ настоящее время она какъ разъ не пользуется особымъ авторитетомъ. При сложной борьбѣ мнѣній и спорности принциповъ въ этой области мы ограничимся лишь нѣсколькими критическими замѣчаніями. Прежде всего, — при недостаточности матеріала и при одностороннемъ разсмотрѣніи только культурныхъ народовъ въ собственномъ смыслѣ слова, — притязаніе на открытіе общаго, не терпящаго исключенія закона развитія — несостоятельно; исторія человѣчества въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова такимъ путемъ неосуществима. Затѣмъ, объясненіе фактовъ сводится, главнымъ образомъ, къ психологическимъ предпосылкамъ и критеріямъ, такъ что тѣми общими положеніями, которыя возможно получить въ философіи исторіи, мы безспорно обязаны психологіи.

Сюда относятся, напр., взаимодѣйствіе между отдѣльнымъ человѣкомъ и средой, развитіе индивидуума въ данныхъ условіяхъ вообще, значеніе для жизни народовъ вообще и для націи въ частности такихъ великихъ соціально-психическихъ порожденій, какъ религія, миѳы, поэзія, право, обычаи и т. д. Топографическія и хронологическія рамки всегда служатъ, даже и для болѣе свободнаго обсужденія, руководящей нитью изложенія; изъ какой страны или изъ какого народа, изъ какого десятилѣтія или столѣтія заимствованъ данный фактъ — это всегда имѣетъ рѣшающее значеніе. Всеобъемлющая исторія культуры, которая имѣла бы въ виду и первобытные народы, возможна только на этнологическомъ базисѣ, и здѣсь, слѣдовательно, опять-таки должна проявиться соціологическая перспектива. Соціологія, которая сама по себѣ не связана съ чисто этнографическими рамками, будетъ обязана исторіи культуры данными ей болѣе точными матеріалами, изъ которыхъ она узнаетъ расчлененіе и составъ общества, построеніе организаціи и т. д. Но всякую связь съ конструктивной философіей исторіи, подходящей къ живому опыту съ готовыми схемами и предпосылками, соціологія должна отклонить. Ибо соціологія, какъ мы впослѣдствіи еще болѣе убѣдимся, по своему характеру въ цѣломъ является наукой эмпирической, и поэтому никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этой твердой почвы.

§ 12. 5. Народовѣдѣніе.

Богатство идей, которыми располагаетъ современное народовѣдѣніе, такъ велико, что мы можемъ обозрѣть его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Если народовѣдѣніе хочетъ дать исторію развитія человѣчества, именно на первобытной ступени цивилизаціи, то на его долю выпадаетъ главнымъ образомъ важная психологическая задача.

Это относится уже къ основному понятію человѣчества и его духовнаго единства, но не менѣе того и къ другимъ, связаннымъ съ этимъ проблемамъ. Сюда относятся, напр., религіозныя и миѳологическія представленія о болѣе глубокихъ основаніяхъ соціальныхъ институтовъ и обычаевъ (каковы, напр., кровавая месть, родство и бракъ), о зачаткахъ техники и искусства (орнаментика, культъ, музыка, танцы и т. д.). Все это чуждо соціологіи, какъ таковой, и лишь косвенно мыслимо здѣсь плодотворное соприкосновеніе, напр., въ томъ, что и этнологія стремится отъ многосложнаго обилія матеріала подняться до болѣе общихъ правильныхъ разсужденій. Ученіе Бастіана (ср. стр. 22) цѣликомъ коренится въ этой почвѣ; именно, убѣжденіе Бастіана въ томъ, что духовная жизнь народовъ являетъ намъ извѣстныя типическія явленія, универсальныя элементарныя формы, которыя, несмотря на всякія отклоненія въ деталяхъ, въ опредѣленныхъ основныхъ чертахъ повторяются. Соприкосновеніе сказывается и въ томъ, что народовѣдѣніе, въ противоположность индивидуально-психологическому пониманію обычной исторіи, разсматриваетъ все богатство соціальной жизни не какъ простой результатъ индивидуальныхъ дѣйствій, но какъ органическое твореніе универсальнаго духа, принявшаго конкретный образъ въ данныхъ этническихъ группахъ. Прямо-таки неразумно стремиться индивидуально-психологически понять такія творенія духа, какъ, напр., религія, миѳы, право, обычаи и т. д.; здѣсь можетъ помочь, наоборотъ, только соціально-психологическое пониманіе, въ основѣ котораго лежитъ соціальное единство и взаимодѣйствіе, — пониманіе, не признающее обычнаго абстрактнаго изолированія индивидуума. Поэтому далеко не случайно, очевидно, то, что это воззрѣніе все болѣе непреодолимо прокладываетъ себѣ путь въ этнологіи.

§ 13. 6. Сравнительное правовѣдѣніе.

Пока правовѣдѣніе строго ограничивалось отдѣльными народами и культурными кругами, изслѣдованіе не могло еще дойти до какихъ либо общихъ результатовъ или даже законовъ, имѣющихъ обязательную силу для всей жизни человѣчества; это оказалось возможнымъ лишь съ помощью современнаго народовѣдѣнія, открывшаго безграничные горизонты. Съ соціологической точки зрѣнія право является функціей народнаго духа, получающей выраженіе всегда сообразно съ типомъ данной ступени организаціи. Изслѣдованіе оставляетъ чисто историческую точку зрѣнія, какъ только оно преслѣдуетъ и устанавливаетъ общія черты въ правовыхъ нормахъ и воззрѣніяхъ. И въ этомъ отношеніи съ недвусмысленной ясностью оправдывается воззрѣніе Бастіана на народы, въ тѣмъ большой, при томъ, степени, что право въ общемъ показываетъ значительно меньшія отклоненія, нежели религія. Эти вполнѣ эмпирически добытые результаты повели естественнымъ образомъ, къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ; эти поразительныя параллели, выходящія за предѣлы мѣстной и исторической связи, не могутъ быть случайными, но проистекаютъ изъ одного и того же общаго источника, т. е. изъ одинаковой всюду природы человѣка, какъ это указалъ уже Шиллеръ; онѣ являются психологически необходимыми проявленіями общечеловѣческаго правосознанія, остающагося, при всѣхъ дифференціаціяхъ народовъ на группы, все-таки вліятельной силою. Поэтому само собою понятно, что право неразрывно связано съ существованіемъ человѣческаго рода; всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ людей, тамъ мы находимъ формы ассоціаціи, — хотя бы въ зачаточномъ видѣ, — а вмѣстѣ съ ними и право. Такимъ образомъ, это сравнительное изученіе различныхъ формъ родового быта затрагиваетъ область соціо-

логіи; но поскольку это изслѣдованіе отъ данныхъ форм организаціи восходитъ къ опредѣлящимъ мотивамъ и прав вымъ идеямъ, получающимъ въ этихъ формахъ свое выр женіе, оно выходитъ уже за предѣлы соціологіи. При таком соціально-психическомъ объясненіи въ область права част вторгаются также религіозные мотивы; укажемъ, напр., такі явленія, какъ судъ Божій, кровавая месть, происхождені брака и т. д. При этомъ, нужно, разумѣется, остерегаться рок вого метафизическаго заблужденія, сквозившаго въ преж нихъ представленіяхъ; нѣтъ общезначимаго идеала прав поскольку мы будемъ имѣть въ виду его содержаніе. Н оборотъ, уже бѣглый обзоръ этнографическаго матеріал показываетъ, что нормы и воззрѣнія безконечно различн и всецѣло зависятъ отъ характера соотвѣтствующей ступен организаціи. Что̀ на одной ступени служитъ правомъ, даж быть можетъ, удостаивается высшаго признанія, то на друг является преступленіемъ. Конкретное содержаніе отдѣльных узаконеній мѣняется сообразно культурно-историческим условіямъ; постояннымъ факторомъ, напротивъ, остается в индивидуальномъ правовомъ сознаніи только извѣстн чувство чисто формальнаго свойства, — умѣніе различа право отъ его нарушенія, смотря по положенію вещей. Э послѣдняя функція является, правда, чисто апріорно такъ же, какъ и нравственно д о л ж н о е, которое никог не можетъ быть выведено изъ одного только опыта. Н такъ называемое естественное право оказалось лишь спекул тивнымъ изобрѣтеніемъ философовъ, враждебно отно щихся къ опыту, и ни коимъ образомъ не подтверждает трезвымъ научнымъ изслѣдованіемъ.

§ 14. 7. Психологія.

Намъ здѣсь нѣтъ необходимости подробно занимать различными, отчасти уже оставленными направленія

въ психологіи, какъ напр., самонаблюденіе, прежде столь возносившееся; но оно потому уже вызываетъ сомнѣніе, что въ немъ субъектъ и объектъ наблюденія совпадаютъ, вслѣдствіе чего уже напередъ исключается необходимая безпристрастность. Точно также нецѣлесообразно при изслѣдованіи исходить изъ нашего „я“, какъ творческаго существа, вмѣсто того, чтобы разсматривать его, какъ продуктъ развитія длинной, органически связанной цѣпи духовныхъ способностей. Несравненно цѣлесообразнѣе выводить развитіе нашего „я“ изъ безконечной суммы безсознательныхъ психическихъ представленій и побужденій, такъ что изслѣдованіе приходитъ такимъ путемъ къ плодотворной основѣ безсознательнаго, при помощи которой единственно становится понятною вся наша психическая жизнь. Въ индуктивномъ изслѣдованіи наше „я“, какъ данный центръ психической дѣятельности, не является предпосылкой; индуктивное изслѣдованіе, наоборотъ, стремится вывести развитіе нашей личности изъ соціальныхъ проявленій духовнаго творчества въ религіи, обычаяхъ, правѣ и искусствѣ.

Это соціально-психологическое пониманіе, которое здѣсь, разумѣется, не можетъ быть болѣе подробно обосновано, естественнымъ образомъ находитъ себѣ лучшее и непосредственное подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ соціальною жизнью. Всѣ обычаи и привычки, большинство рѣшеній въ обыкновенной жизни основываются на безсознательныхъ инстинктивныхъ чувствахъ; власть этихъ смутныхъ влеченій вполнѣ безспорна и въ сферѣ искусства. Но въ особенности ясно выражается это безсознательное психическое творчество, выходящее далеко за предѣлы индивидуальнаго существованія, въ обширной области права; такимъ образомъ, изъ этихъ прочно установленныхъ фактовъ, изъ исторіи различныхъ областей соціальной жизни — можно получить весьма правильные выводы о человѣческой ду-

шѣ. Подобно тому какъ религіозное сознаніе проявляется въ опредѣленныхъ воззрѣніяхъ, ритуальныхъ актахъ и въ созданіи опредѣленныхъ образовъ боговъ, такъ правовое сознаніе аналогичнымъ образомъ проявляется въ соотвѣтствующихъ обычаяхъ, учрежднiяхъ, постановленіяхъ и другихъ соціальныхъ фактахъ. Кромѣ того, на это соціально-психологическое изслѣдованіе указываетъ и то обстоятельство, что индивидуумъ никогда не пріобрѣтаетъ своего положенія и значенія въ изолированномъ состояніи, а, наоборотъ, только въ интенсивномъ взаимодѣйствіи со средой, неотдѣлимымъ членомъ которой онъ состоитъ. Даже мнимо „творческая“ мысль должна заимствовать весь конкретный матеріалъ изъ презрѣннаго опыта, при томъ даже для самыхъ фантастическихъ метафизическихъ системъ. Безспорно также, что хотя интеллектуальная жизнь на высшихъ стадіяхъ развитія протекаетъ при ясномъ сознаніи, однако послѣднее подготовляется безсознательной душевной дѣятельностью. Коренная противоположность между „я“ и міромъ, образующимъ естественный базисъ всего нашего духовнаго единства, далеко проникаетъ въ эту тьму безсознательнаго, изъ которой, какъ молнія — для нашего постиженія именно внезапно, непосредственно, — пробивается столь рѣшающій для нашего міровоззрѣнія актъ самосознанія. Весьма понятно, что нѣкоторые этнологи, — напр., Бастіанъ, — именно въ противоположность великимъ миѳологическимъ и религіозньмъ твореніямъ народнаго духа, ставятъ подъ сомнѣніе эту *личную* способность человѣка мыслить и вмѣстѣ этого употребляютъ выраженіе: *мыслится*. Наконецъ соціально-психологическая точка зрѣнія подкрѣпляется еще и тѣмъ, что индивидуальное развитіе (онтогенесисъ) представляетъ собою въ сокращенныхъ основныхъ чертахъ исторію рода (филогенесисъ); индуктивное изслѣдованіе

естественнаго психическаго процесса роста, совершающагося во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени поучительную картину постепеннаго развитія нашего сознанія вообще, и наоборотъ; и это изученіе тѣмъ важнѣе, что непосредственный доступъ къ этой таинственной душевной работѣ закрытъ. Тѣмъ не менѣе неправильно низводить — вмѣстѣ съ нѣкоторыми односторонними современными соціологами — значеніе индивидуума къ совершенно несущественному минимуму; нашъ психологическій анализъ какъ раньше, такъ и впредь, долженъ придерживаться индивидуальности, надѣленной большими или меньшими способностями и создающею свое „я“ и свою духовную личность изъ непрерывнаго взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ. Эта личность, хотя бы понимаемая въ смыслѣ такого внутренняго единства, лежитъ въ основѣ духовнаго развитія; и желаніе обойтись безъ нея было бы безумнымъ ослѣпленіемъ, подобно тому, какъ если бы біологія отказалась отъ клѣтки. Такія изначальныя предрасположенія мы находимъ вездѣ (и естественная наука считается съ этимъ, а о патологіи и психіатріи нечего и говорить); такимъ образомъ этотъ моментъ столь же важенъ для психологіи, какъ и для этики. Задача заключается лишь въ томъ, чтобы найти правильную средину между обоими непримиримыми противниками, — крайнимъ индивидуализмомъ и коллективизмомъ.

§ 15. 8. Этика.

Ни въ одной области философскаго изслѣдованія вліяніе соціологіи не сказывается въ столь сильной степени, какъ въ наукѣ о нравственности. Согласно прежнему умозрительному взгляду на личность, какъ на суверееннаго творца міра, она, естественнымъ образомъ, надѣлялась без-

граничной свободой; желѣзный законъ причинности имѣл
значеніе развѣ лишь для низшаго животнаго міра. Совѣст
являлась для человѣка необходимой для всѣхъ дѣйстві
высшей инстанціей, рѣшенія которой всегда обладали не
погрѣшимою точностью, а ея законы и нормы имѣли
слѣдовательно, право на абсолютную дѣйствительность
Нѣтъ нужды пространно доказывать, что мы имѣемъ здѣс
дѣло съ очевиднымъ заблужденіемъ; прежде всего, м
вообще не знаемъ никакого общеобязательнаго моральнаг
закона, по той простой причинѣ, что содержаніе отдѣль
ныхъ предписаній и постановленій весьма различно
обусловлено всѣмъ соціально-психическимъ характером
соотвѣтствующей организаціи. Равнымъ образомъ у нас
нѣтъ достаточно яснаго психологическаго объясненія тому
какъ человѣкъ становится центромъ нравственныхъ иде
и обязанностей. Это становится понятнымъ лишь чрез
непосредственную связь отдѣльнаго человѣка съ то
охраняющей его ступенью организаціи, на которо
онъ стоитъ. Моральное поведеніе человѣка зависит
прежде всего отъ того, содѣйствуетъ ли онъ сохраненi
и прогрессу соціальной жизни, поэтому его поведені
всецѣло связано съ общественными отношеніями. Мо
раль и нравы являются, такимъ образомъ, естественным
продуктами непрерывной дифференціаціи индивидуумов
въ борьбѣ за данныя условія существованія или против
этихъ условій, то содѣйствующихъ, то препятствующих
этому процессу. Нравственный законъ равнымъ образом
оказывается конкретнымъ результатомъ всѣхъ безконе
ныхъ чувствъ и стремленій, вызванныхъ непрестанным
взаимодѣйствіемъ индивидуума съ его групповою органи
заціей. Всѣ ступени соціальнаго развитія поэтому показы
ваютъ намъ постоянно возобновляющійся компромисс
между требованіями, предъявляемыми ассоціаціями в

цѣляхъ своего усиленія и укрѣпленія, и требованіями, преслѣдующими цѣль охраны и благополучія индивидуума. Каждый человѣкъ, именно по этой причинѣ, воодушевленъ то альтруистическими, то эгоистическими мотивами, и поэтому цѣлью истинно-нравственнаго образованія и воспитанія является постепенное подавленіе этого первоначальнаго и исключительно господствующаго эгоизма. Отсюда, далѣе, вытекаетъ, что всякая мораль обусловлена соціально, что содержаніе отдѣльныхъ постановленій объясняется конкретными, непосредственными отношеніями къ типу организаціи, въ то время какъ сознаніе долга, какъ чисто формальный принципъ д о л ж н а г о, не обусловленъ ни матеріаломъ, ни содержаніемъ и отъ нихъ не зависитъ. Это чувство долга является въ извѣстномъ смыслѣ чисто апріорнымъ, необходимо мыслимой предпосылкой всякаго дѣйствія, но не результатомъ какого-либо наставленія и воспитанія, какъ это часто утверждаютъ. Но и независимо отъ этого существуютъ извѣстныя чисто формальныя, общія нормы, — несмотря на несравнимость нравственныхъ идеаловъ на различныхъ ступеняхъ культуры, — нормы, властно требующія общаго признанія въ каждомъ человѣческомъ союзѣ, начиная съ самыхъ примитивныхъ и слабѣйшихъ и кончая наиболѣе совершенными и сплоченными. Мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе необходимаго для всякой этики подчиненія отдѣльнаго человѣка высшимъ интересамъ; достаточно, если мы подчеркнемъ развитіе первоначальныхъ симпатическихъ побужденій, а также вполнѣ универсальнаго чувства авторитета. Въ этомъ человѣчество вполнѣ согласно усматриваетъ фундаментъ какъ общественнаго благополучія, соціальнаго процвѣтанія, такъ и личнаго совершенствованія и облагороженія.

Отдѣлъ III.

Методы и принципы соціологіи.

§ 16. I. Объективность.

Для научнаго обоснованія соціологіи не можетъ быть ничего важнѣе строгой безпартійности и полной объективности при установленіи соціальныхъ явленій. Для этого необходимо, чтобы изслѣдователь обладалъ достаточно острымъ взоромъ, чтобы отличать совершенно несущественныя явленія отъ собственно соціальныхъ фактовъ, являющихся всегда въ какомъ-нибудь отношеніи типическими, т. е. средній итогъ. При обиліи матеріала мы должны ограничиться здѣсь лишь нѣсколькими указаніями. Прежде всего необходимо требовать планомѣрнаго и строго проведеннаго отрѣшенія отъ всѣхъ предразсудковъ и соображеній, основанныхъ на чувствѣ. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ мы вмѣсто подлинныхъ фактовъ найдемъ лишь субъективныя впечатлѣнія, порожденныя неправомѣрнымъ вмѣшательствомъ аффектовъ и вытекающимъ отсюда нравственнымъ осужденіемъ (или наоборотъ чрезмѣрнымъ восхваленіемъ). Сужденіе о первобытныхъ народахъ, со времени испанскихъ конквистадоровъ вплоть до нашего времени, служитъ весьма печальнымъ тому свидѣтельствомъ. Мы лишь бѣгло отмѣтимъ, что сліяніе личныхъ взглядовъ съ традиціонными масштабами оцѣнки сбиваетъ съ правильнаго пути столь важное психологическое расчлененіе причинъ, лежащихъ въ основаніи явленій. Изъ такихъ предразсудковъ мы назовемъ лишь слѣдуюшіе.

Прежде всего, роковую роль играетъ различіе расъ и націй. Чужія народности привлекаютъ нашъ интересъ и наше вниманіе исключительно своимъ отличительнымъ своеобразнымъ типомъ; въ основаніе наблюденія мы непро-

извольно кладемъ при этомъ нашу собственную культуру, и поэтому все, что съ ней не согласуется, кажется намъ анормальнымъ, страннымъ, безцѣннымъ и плохимъ. Или наоборотъ, поскольку мы пресытились своей собственной культурой (что было, напр., на исходѣ 18 вѣка), отклоненія эти, вслѣдствіе сентиментальнаго заблужденія, пріобрѣтаютъ романтическія чары, благодаря чему первобытному человѣку приписываются совершенно неприсущія ему душевныя движенія. Характернымъ является въ этомъ отношеніи образъ „благороднаго“ дикаря. Та же нетерпимость и то же бездушіе къ другимъ расамъ (напр., по отношенію къ неграмъ и китайцамъ въ Америкѣ или евреямъ у насъ) повторяются въ политической жизни, или въ отношеніи сословій и званій другъ къ другу. Этотъ недостатокъ въ пониманіи — характеристическая черта средняго человѣка — вмѣстѣ со своими дальнѣйшими развѣтвленіями (фанатизмомъ, высокомѣріемъ и т. д.) проникаетъ также въ научные круги, гдѣ онъ оказываетъ весьма печальное и пагубное вліяніе.

Во вторыхъ, мы должны указать на роковую склонность дѣлать тотчасъ же самые широкіе выводы и обобщенія на основаніи недостаточнаго, критически не разработаннаго надлежащимъ образомъ матеріала. Всюду, гдѣ задача заключалась въ установленіи имѣющихъ широкое значеніе принциповъ или даже законовъ, замѣчалась эта спекулятивная, враждебная опыту тенденція; напримѣръ, въ области столь необходимой для соціологіи статистики. Сюда привходитъ еще стремленіе разсматривать лищь необычайныя и необыкновенныя явленія, тогда какъ необходимо, само собой разумѣется, установленіе лишь нормальнаго и закономѣрнаго, того, что проявляется только въ *среднемъ* итогѣ. Со всѣмъ этимъ, наконецъ, часто бываетъ связанъ недостатокъ критической

трезвости и психологическаго пониманія истинныхъ причинъ соціальныхъ явленій. И это не только потому, что различныя соціально-психическіе продукты, напр., религія нравы, право и т. п., разсматриваются и объясняются чисто субъективно, съ индивидуальной точки зрѣнія изслѣдователя; часто случается, что даже собранный матеріалъ, вслѣдствіе легкомыслія или легковѣрія оказывается научно непригоднымъ. Лишь позднѣйшія безпристрастныя изслѣдованія даютъ фактамъ истинное освѣщеніе, какъ тому учитъ народовѣдѣніе, при чемъ положеніе вещей затрудняется еще тѣмъ, что, какъ извѣстно, туземцы и, въ особенности, жрецы часто даютъ умышленно неправильные отвѣты, дабы сохранить драгоцѣнную тайну. Съ этимъ, затѣмъ, связано злополучное стремленіе, лежащее въ основаніи всѣхъ недостатковъ, вообще выводить соціальную жизнь изъ ариѳметической суммы индивидуальныхъ дѣйствій. Индивидуумъ, хотя и является отправною точкою, необходимымъ посредникомъ великихъ духовныхъ теченій, но никогда не единственнымъ творцомъ, хотя бы уже по тому, что мы никогда не встрѣчаемъ этого индивидуума изолированнымъ, но всегда въ средѣ заключающаго его въ себѣ союза. Въ противоположность этому неправильному взгляду, соціологія должна постоянно требовать строгой объективности, научнаго беспристрастія и критической трезвости какъ въ отношеніи собиранія матеріала, такъ, въ особенности, и по отношенію болѣе трудной работѣ психологичискаго обоснованія. Мы должны, напр., съ твердой самоотверженностью разсматривать всѣ нравственныя дѣйствія и состоянія, которыя нашему чувству несимпатичны, быть можетъ, даже невыносимы для насъ. Голое нравственное осужденіе доказывало бы лишь нашу неспособность къ болѣе глубокому объективному изслѣдованію и объясненію матеріала; мы выказали бы лишь столь порицавшуюся нами

раньше нетерпимость, простительную обыкновенному человѣку, но не научному изслѣдователю.

§ 17. 2. Индукція.

Что соціологія по всему своему характеру, какъ большей частью и по своей исторіи, является опытной наукой, этого, надѣемся, никто больше не станетъ оспаривать; ея матеріалъ, ея методы, ея принципы — цѣликомъ эмпирическіе. Но мы не должны позволить ввести себя въ заблужденіе этимъ ходячимъ выраженіемъ, а должны критически освѣтить основныя положенія, имѣющіяся въ виду при разработкѣ матеріала. Прежде всего необходимо установить самое понятіе опыта; если мы подъ этимъ будемъ понимать всю совокупность воспріятій и наблюденій, то мы тѣмъ самымъ включимъ сюда тѣ роковыя заблужденія, о которыхъ мы только что говорили. Поэтому необходимо прежде всего устранить всѣ недостатки и заблужденія, присущія обыкновенному, не разобранному критически опыту. Строго говоря, это необходимо дѣлать уже при первомъ собираніи соотвѣтствующаго матеріала, и ужъ во всякомъ случаѣ — при дальнѣйшей спеціальной научной разработкѣ. Извѣстнымъ средствомъ для этого исключенія и исправленія противорѣчій какъ при индивидуальномъ наблюденіи, такъ и при обсужденіи чужихъ сообщеній — является сравненіе тѣхъ же или подобныхъ явленій въ отношеніи къ ихъ истинному типу. Этотъ методологическій пріемъ предполагаетъ, понятно, наличность значительнаго количества матеріала, такъ какъ лишь такимъ образомъ возможно установить типическую закономѣрность. Все это является исключительно предварительной работой, хотя и неизбѣжной, такъ какъ иначе все зданіе висѣло бы въ воздухѣ. Всѣ указанныя раньше вспомогательныя дисциплины могутъ оказывать соціологіи

услуги въ достиженіи ея цѣли — познанія соціальныхъ законовъ, — біологія и статистика, народовѣдѣніе и сравнительное правовѣдѣніе, психологія и этика, — каждая, сообразно съ тѣмъ, какая область соціальной жизни затрагивается изслѣдованіемъ. Но даже при закладкѣ этого фундамента соціологія не можетъ обойтись безъ извѣстныхъ общихъ логическихъ формъ и принциповъ, которыми она обязана спекулятивному направленію. Здѣсь, какъ и вездѣ, проявляется тѣсное взаимоотношеніе между индуктивнымъ и дедуктивнымъ методомъ. Поучительнымъ примѣромъ является открытіе Галилеемъ законовъ паденія, выясненныхъ имъ сперва дедуктивнымъ путемъ посредствомъ отвлеченія явленія паденія въ собственномъ смыслѣ отъ всѣхъ сопутствующихъ побочныхъ обстоятельствъ; но съ другой стороны это обобщеніе выросло изъ гипотезъ, возникшихъ непосредственно изъ практическихъ попытокъ. Всякій эмпирическій законъ, разъясняющій намъ какую-либо область человѣческаго изслѣдованія и при установленіи котораго гипотезы играли, по большей части, важную роль какъ методическія вспомогательныя средства, — основанъ на этомъ непрестанномъ взаимодѣйствіи индукціи и дедукціи; это относится какъ къ обширной области естественныхъ наукъ, такъ и къ разсматриваемой нами соціологіи и этнологіи. Недопустимо лишь одностороннее примѣненіе одной точки зрѣнія, будь то спекулятивной, какъ то дѣлала идеалистическая философія къ своему же вреду, или же эмпирической, которой исключительно пользуется современная естественная наука. Въ соціологіи перекрещиваются обѣ точки зрѣнія уже потому, что здѣсь различныя дисциплины объединяются въ общей работѣ. Если въ біологіи и этнологіи эмпиризмъ прежде всего претендуетъ на широкое примѣненіе, даже въ отношеніи матеріала, то въ психологіи спекулятивная

точка зрѣнія вступаетъ въ свои неоспоримыя права, чтобы оправдать данныя опыта, объ объясненіи и истолкованіи которыхъ идетъ рѣчь. Въ соціологіи имѣются извѣстныя проблемы, которыя могутъ быть разрѣшены только на основаніи гносеологическихъ соображеній, значительно превышающихъ сферу и компетенцію обычныхъ воспріятій.

Въ концѣ концовъ получается удивительная противоположность: ярый эмпирикъ долженъ понять, что весь опытъ есть духовное переживаніе, поскольку онъ вообще ведетъ къ познанію, и наоборотъ, апріористъ не можетъ отрицать того обстоятельства, что всякое знаніе и пониманіе, всякій духовный актъ вообще образуетъ составную часть нашего вначалѣ субъективно обусловленнаго опыта, лишь потомъ провѣряемаго въ отношеніи его объективной дѣйствительности.

§ 18. 3. Психологическій методъ.

Мы здѣсь не можемъ прослѣдить различныя варіаціи психологическихъ методовъ; рѣшающимъ моментомъ является исключительно связь съ соціологіей; поэтому насъ не интересуетъ экспериментальный методъ, ибо здѣсь индивидуумъ играетъ сравнительно незначительную роль. Напротивъ, набросанная въ свое время Лацарусомъ и Штейнталемъ программа психологіи народовъ открываетъ намъ много новаго и для нашей задачи особенно цѣннаго. Тогда какъ индивидуальная психологія — безразлично какими методами она пользуется — разсматриваетъ только индивидуальную психологическую жизнь, психологія народовъ, напротивъ, подвергаетъ разсмотрѣнію духовную дѣятельность большихъ историческихъ организмовъ. Языкъ, религія, нравы, право и пр. являются въ этомъ освѣщеніи продуктомъ безконечно развѣтвленной исторической работы, болѣе и менѣе непрерывно накопленной цѣлыми покolѣ-

ніями. Это воззрѣніе исходитъ изъ той правильной предпосылки, что человѣкъ отъ природы, какъ говоритъ Аристотель, существо соціальное, что онъ составляетъ, такимъ образомъ, нераздѣльную составную часть окружающей его среды. Прежде всего необходимо уяснить себѣ этнографическое подраздѣленіе человѣческаго рода, подобно тому, какъ сравнительное языковѣдѣніе принимаегъ во вниманіе извѣстные лингвистическія группы.

Вся духовная жизнь въ предѣлахъ этой сферы подвергается затѣмъ психологическому расчлененію со стороны своей внутренней структуры (происхожденія, связи съ другими факторами, дальнѣйшаго развитія и т. д.), чтобы изъ этого получить, какъ мы еще ниже увидимъ, по возможности, общіе, господствующіе законы. Но эта перспектива можетъ быть еще значительно больше расширена; часто въ этихъ продуктахъ коллективнаго творчества у совершенно чуждыхъ и лишенныхъ всякаго соприкосновенія племенъ встрѣчаются такія поразительныя и простирающіяся вплоть до незначительнѣйшихъ подробностей совпаденія, что не остается ничего другого, какъ выводить эти совпаденія изъ общаго неисчерпаемаго источника всякой жизни, — изъ самой одинаковой въ своихъ основныхъ чертахъ человѣческой природы — предвидѣніе Шиллера, вполнѣ оправдавшееся современнымъ народовѣдѣніемъ. Неоспоримыя доказательства дало намъ, какъ мы уже убѣдились въ этомъ, сравнительное правовѣдѣніе; отклоненія въ области религіи значительнѣе, хотя и здѣсь встрѣчаются элементарныя параллели; и чтобы привести наиболѣе яркій случай, укажемъ на параллель между греческими и гавайскими сказаніями, — гдѣ, повидимому, всякое заимствованіе и перенесеніе исключено. Поскольку матеріалъ надеженъ и, по возможности, обширенъ, постольку этотъ сравнительный психологическій методъ по своей достовѣрности почти что

равенъ экспериментальному наблюденію естественной науки. Чѣмъ больше увеличивается матеріалъ, тѣмъ точнѣе и безошибочнѣе становятся полученные результаты.

Соціологія можетъ лишь тогда выполнить свою задачу, т. е. постичь сущность всѣхъ соціально-психическихъ явленій и событій, когда она правильно опредѣлитъ отношеніе индивидуума къ окружающей его средѣ, къ данной ступени организаціи. Какъ тѣсно ни связана вся духовная жизнь, въ концѣ концовъ, съ индивидуальнымъ сознаніемъ, однако послѣднее не можетъ развиться у изолированнаго человѣка, существующаго лишь въ нашемъ представленіи, а не въ дѣйствительности. Но эта психологія массъ, какъ ее еще называли, обладаетъ и серьезными тѣневыми сторонами, заключающимися въ томъ, что она оперируетъ слишкомъ статистически и, обходя дѣйствительные мотивы, стремится превратить качество въ количество; но это обстоятельство отнюдь не колеблетъ основного принципа. Насколько мы въ правѣ устанавливать для соціальнаго процесса общіе, не допускающіе исключенія законы, это другой вопросъ, на который нельзя отвѣтить утвердительно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, — мы, во всякомъ случаѣ не можемъ прямо приравнивать ихъ къ естественно-научнымъ законамъ.

§ 19. 4. Статика и динамика.

Необходимый для собственно соціологическаго изслѣдованія матеріалъ, касающійся какъ внѣшней формы, такъ и содержанія данной ассоціаціи, дается статикой, пользующейся, въ свою очередь, упомянутыми выше вспомогательными науками, — біологіей, народовѣдѣніемъ, исторіей культуры и. т. д. При этомъ стремятся преимущественно, къ вполнѣ обьективному описанію существующихъ наряду другъ съ другомъ этническихъ группъ, не подвергая ихъ

вначалѣ болѣе точному психологическому объясненію. Такъ, на низшей ступени этой лѣстницы мы находимъ первобытный, мало дифференцированный, характеризуемый, главнымъ образомъ,коммунистическими чертами, хаотически-составленный родовый союзъ, покоящійся на естественномъ кровномъ родствѣ (въ лицѣ матери — родоначальницы). И какъ вездѣ на землѣ вновь встрѣчается эта зародышевая клѣтка всѣхъ позднѣйшихъ соціальныхъ образованій, такъ встрѣчаемъ мы также, наоборотъ, какъ наиболѣе сложный продуктъ дальнѣйшей дифференціаціи, — государство въ той или иной формѣ. Такимъ образомъ, изслѣдованіе получаетъ связный рядъ повторяющихся, типическихъ структуръ, при помощи которыхъ оно можетъ охватить закономѣрное развитіе всего соціальнаго процесса. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ такъ назв. первобытному состоянію, тѣмъ болѣе обезцѣниваются духовные факторы, — въ этомъ первоначальномъ, родовомъ союзѣ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, только физическая сила; наоборотъ, ослабленіе первоначальнаго естественнаго эгоизма является всегда вѣрнымъ признакомъ болѣе высокой цивилизаціи. Весь прогрессъ покоится соотвѣтственно этому на возрастающемъ участіи индивидуума въ общихъ интересахъ всего рода и на перевѣсѣ симпатическихъ побужденій надъ первоначальными эгоистическими влеченіями. Біологическое, животное начало въ человѣкѣ шагъ за шагомъ уступаетъ мѣсто развитію духовныхъ и нравственныхъ способностей, оцѣнка которыхъ вслѣдствіе этого становится несравненно болѣе высокой, тогда какъ матеріальные интересы служатъ лишь основою для осуществленія идеала. Эти мысли вводятъ насъ въ сферу соціальной динамики, не ограничивающейся болѣе простымъ описаніемъ фактовъ, но стремящейся дойти до общихъ формъ всего происходящаго, — до нормъ и законовъ. Здѣсь строго

индуктивное наблюденіе смѣняется дедуктивнымъ методомъ, стремящимся дать психологическое объясненіе и обоснованіе. Проблема общества, его различныя функціи, дифференціація отдѣльныхъ составныхъ частей и ихъ безпрестанное взаимодѣйствіе и пр., — все это властно требуетъ своего рѣшенія. Сюда само собою входитъ установленіе извѣстныхъ общихъ нормъ развитія, типическихъ, вездѣ повторяющихся „ритмовъ" соціальнаго процесса. Лишь теперь мы въ правѣ говорить объ общемъ прогрессѣ, въ противоположность которому уклоняющіяся образованія мы обозначаемъ, какъ вырожденіе, разложеніе, состояніе упадка и т. д. Такимъ образомъ, мы, очевидно, вступаемъ въ область соціальной этики, гдѣ именно понятіе высшей нормы получаетъ свое истинное значеніе. Все наше культурно-историческое воззрѣніе не имѣло бы никакого смысла безъ этого нормативнаго п р и н ц и п а д о л ж н а г о. Моральный характеръ этого обсужденія обнаруживается и въ томъ, что мы отъ простого состоянія соціальной жизни переходимъ въ область составляющихъ ея основу индивидуальныхъ дѣйствій. Ибо, въ концѣ концовъ, какъ мы уже замѣтили, существованіе человѣческаго общества обуславливается безконечной суммой индивидуальныхъ волевыхъ актовъ, исходящихъ изъ самыхъ различныхъ мотивовъ, Идея человѣчества, взятаго въ цѣломъ, понятіе общества и членовъ, составляющихъ его, возрастаніе соціализаціи человѣка и пр. — все это представляетъ собою исключительно психологически-гносеологическія проблемы, только на этой почвѣ получающія свое правильное рѣшеніе. Правда, мы не можемъ надѣяться при помощи этой соціальной динамики получить недопускающіе исключенія на все будущее время законы, и не можемъ поэтому съ полной точностью опредѣлить напередъ соціальное развитіе. Поэтому вполнѣ естественно, что большинство пророчествъ

этого рода оказывалось опрометчивыми обобщеніями и не только не сбывалось, но и, наоборотъ, претерпѣвало фіаско.

§ 20. 5. Соціологическіе законы.

Обозрѣвая всю исторію человѣческаго рода, включая даже открытое намъ народовѣдѣніемъ первобытное состояніе, мы находимъ значительные пробѣлы и пропуски; съ другой стороны, передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ какъ бы изъ ничего вырастаютъ мощныя культуры, какъ сложныя загадки, — вспомнимъ, напр., древне-египетскую или сумерійско-аккадійскую цивилизацію, происхожденіе которой покрыто глубокимъ мракомъ. И все-таки, мы говоримъ о внутренней связи отдѣльныхъ періодовъ всемірно-историческаго развитія. Къ этому убѣжденію мы приходимъ исключительно на основаніи того закона, который вообще одинъ лишь вноситъ смыслъ и порядокъ въ воспринимаемыя нами впечатлѣнія, — закона причинности. Но спрашивается, въ правѣ ли мы вообще устанавливать для исторіи законы, какъ мы устанавливаемъ ихъ для природы. Въ жизни народовъ мы, при всѣхъ имѣющихся совпаденіяхъ, встрѣчаемъ безконечно много отклоненій. Кромѣ того мы часто смѣшиваемъ связь во времени съ логической связью или безъ дальнѣйшихъ разсужденій переносимъ результаты біологіи и физики на соціальныя явленія. Тѣмъ не менѣе мы вправѣ внести въ историческое разсмотрѣніе вещей законъ причинности, безъ котораго все распалось бы на тысячу атомовъ, и этимъ установить историческую непрерывность, внутреннюю, неуничтожимую связь. Но этимъ еще не доказано, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ законами, безусловно не допускающими исключенія, какъ въ естественной наукѣ. Такъ какъ при безконечныхъ варіаціяхъ жизни народовъ этого именно нѣтъ, то намъ кажется цѣлесообразнѣе говорить о соціальныхъ

„ритмахъ", правильно повторяющихся при опредѣленныхъ условіяхъ и предпосылкахъ и поэтому принимающихъ видъ закономѣрности. Въ этомъ отношеніи характерны добытыя статистическія свѣдѣнія о повтореніи тѣхъ же отклоненій, о связи морали съ хозяйственными отношеніями и т. д. Соціологія имѣетъ своимъ предметомъ не индивидуумъ, а соціальную жизнь и ея функціи, — это соображеніе является опредѣляющимъ. Но строеніе этихъ организацій показываетъ неоспоримое типическое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же чертъ, и эта періодичность свойственна также, какъ мы уже неоднократно подчеркивали, всѣмъ соціально-психическимъ явленіямъ. Это относится и къ столь капризной и произвольной на видъ модѣ, затѣмъ вполнѣ — къ обычаямъ. Мы получаемъ, слѣдовательно, правила, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ допускаютъ также отклоненія и исключенія. Поэтому мы здѣсь не имѣемъ дѣло съ общими, безъ исключенія дѣйствительными законами въ естественно-научномъ смыслѣ; эти законы, впрочемъ, должны быть доказываемы не путемъ подробнаго эмпирическаго обоснованія, какъ это утверждаютъ, а апріорнаго. Неправильно считать (какъ это и теперь еще бываетъ) эти законы обязательными и для соціологіи; напротивъ, для соціологіи имѣетъ значеніе другой моментъ, которымъ соціологія отличается отъ естественныхъ наукъ также въ иномъ отношеніи, — именно: моментъ телеологическій.

§ 21. 6. Телеологическая необходимость.

Механическую причинность, это важнѣйшее орудіе естественныхъ наукъ, нельзя прямо переносить на соціальную и духовную жизнь, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательными существами и съ продуктами ихъ дѣятельности. Здѣсь, какъ необходимое дополненіе, появляется телеологическое раз-

смотрѣніе, которое несправедливо умаляется тѣмъ, что о немъ судятъ исключительно по односторонне-антропоцентрическому, наивно-утилитарному масштабу. Но если отвлечься отъ этого некритическаго взгляда, то телеологія получаетъ право во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ въ виду побужденія и представленія какъ въ области индивидуальной, такъ и соціальной жизни. Всякое общеніе покоится на взаимодѣйствіи сознательныхъ существъ, немыслимомъ безъ мотивовъ и цѣлей ихъ дѣятельности. Дѣло заключается не въ абсолютной необходимости, не въ строгой, не допускающей исключенія дѣйствительности всего совершающагося, не въ необходимомъ, а въ должномъ, въ сравнительной всеобщности и закономѣрности, соотвѣтствующей опредѣленному идеалу. Вся исторія развитія человѣчества базируетъ на этой основной предпосылкѣ стремленія къ какимъ-нибудь цѣлямъ съ ихъ достаточными основаніями. Только такимъ образомъ мыслимо и объяснимо это упомянутое выше понятіе исторической непрерывной преемственности, связывающей всѣ поколѣнія сначала въ идеальное единство, которое затѣмъ выражается и въ конкретномъ творчествѣ. Причина и цѣль дополняютъ другъ друга, какъ коррелятивныя понятія, ясно выступающія особенно въ созданіи общей, всеобъемлющей идеи міропорядка, — этимъ выраженіемъ мы обозначаемъ все обиліе соціально - психическихъ явленій, разсматриваемыхъ съ этической точки зрѣнія. Все человѣческое общество со всѣми его продуктами и образованіями сводится въ конечномъ счетѣ къ напряженіямъ и возбужденіямъ индивидуальнаго сознанія, которыя необъяснимы механически, но лишь психологически и потому съ логической необходимостью заключаютъ въ себѣ дѣйствительность цѣлевого принципа. Здѣсь имѣется въ виду не безусловная естественная необходимость, а имманентная, т. е. цѣлевая необходимость,

которая, благодаря отдѣльнымъ живымъ носителямъ этого развитія, присуща соціально-психическому процессу; вслѣдствіе этого дѣйствительность — что должно быть безусловно признано — этой необходимости часто не соотвѣтствуетъ. И здѣсь, такимъ образомъ, находитъ примѣненіе уже раньше отмѣченная этическая мысль, что эти идеальныя нормы развитія являются опредѣляющими для всякой цивилизаціи и для всякаго прогресса. Исходя изъ этого высшаго основоположенія психологическаго разсмотрѣнія, мы даже вправѣ утверждать, что никакое развитіе индивидуальныхъ силъ (а безъ нихъ никакая организація, по меньшей мѣрѣ, немыслима) невозможно безъ дѣйствія этого цѣлевого принципа. Безъ всякаго дальнѣйшаго доказательства ясно, что только при наличности этой предпосылки могутъ появляться нравственныя блага и, въ особенности, создава́ться нравственная оцѣнка, что иначе исторія развитія человѣческаго рода лишилась бы всякаго разумнаго смысла. Наконецъ, то воззрѣніе, которое считается только съ соціальными группами, какъ конечными факторами всѣхъ явленій, не обращая вниманія на значеніе отдѣльной личности, слишкомъ явно прегрѣшаетъ, — какъ мы еще потомъ увидимъ яснѣе (ср. § 24), — противъ основныхъ положеній психологическаго изслѣдованія; оно не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки уйти отъ поверхности и погрузиться въ изученіе болѣе глубокихъ причинъ соціальнаго процесса и, въ особенности, подвергнуть прежде всего тщательному разсмотрѣнію непрестанное взаимодѣйствіе между средой и индивидуумомъ.

Отдѣлъ IV.

Объемъ и раздѣленіе соціологіи.

Введеніе:

Обоснованіе соціально-психологической точки зрѣнія.

Мы уже неоднократно затрагивали психологическіе вопросы, поскольку они имѣли значеніе для соціологіи; теперь, когда мы приближаемся къ проблемѣ соціологіи въ собственномъ смыслѣ, мы должны обстоятельнѣе развить соціально-психологическую точку зрѣнія, служащую основою для всего изслѣдованія.

Всѣ дисциплины, имѣющія своимъ предметомъ широкую область соціальныхъ функцій, слѣдовательно, народовѣдѣніе, исторія культуры, сравнительное правовѣдѣніе и собственно соціологія въ тѣсномъ смыслѣ — исходятъ изъ той основной предпосылки, что индивидуальное сознаніе и душевная жизнь вообще не покрываютъ другъ друга, — какъ раньше большей частью полагали, и личное „я“ образуетъ лишь вершину, лишь конечный пунктъ всѣхъ психическихъ факторовъ. Уже психіатрическія изслѣдованія о разложеніи и вырожденіи нашего „я“ подтвердили ту мысль, что наша личность образуетъ не начало, а, скорѣе, конецъ долгой, уходящей въ тьму безсознательнаго дѣятельности, которой мы, правда, не можемъ постичь на всемъ ея пути вплоть до первыхъ началъ. Благодаря наблюденію надъ соціальной жизнью и, въ особенности, надъ постояннымъ взаимодѣйствіемъ отдѣльнаго человѣка съ окружающимъ его обществомъ, эта гипотеза возвысилась до степени научно-достовѣрнаго факта. Здѣсь въ большинствѣ случаевъ рѣшающими являются не умыселъ и свободное самоопредѣленіе, а соразмѣрное съ при-

вычкой приспособленіе, дѣйствіе неясныхъ, безсознательныхъ побужденій, причемъ человѣкъ не сознаетъ ясно въ каждый моментъ всѣ побудительныя причины своихъ дѣйствій. Нравы и обычаи, одежда и украшеніе, правовыя, художественныя и религіозныя воззрѣнія и творенія являются большей частью органическими продуктами, получающими свои характеристическія для каждаго поколѣнія формы безъ опредѣленнаго сознательнаго участія индивидуума. Даже наши чувства и ощущенія, — хотя именно они и представляютъ своеобразную составную часть нашей личности, — также проистекаютъ изъ этихъ глубинъ безсознательнаго, куда еще не проникло никакое психологическое изслѣдованіе. Поэтому мы въ нашемъ объясненіи должны исходить не изъ нашего „я“, какъ мнимаго всемогущаго творца всей картины міра; наоборотъ, мы должны постараться выяснить себѣ его возникновеніе изъ безконечно многочисленныхъ конкретныхъ его проявленій, получающихъ свое выраженіе въ обычаяхъ, правѣ, религіи и пр. и подлежащихъ нашему критическому изслѣдованію. Это отношеніе яснѣе всего сказывается въ правѣ, гдѣ происхожденіе соотвѣтствующихъ аффектовъ и сужденій цѣликомъ коренится въ безсознательныхъ ощущеніяхъ и инстинктивныхъ побужденіяхъ чувства. Индивидуальное правосознаніе, — поскольку при этомъ принимается во вниманіе содержаніе, а не формальная способность, имѣнно, умѣніе различать, смотря по положенію вещей, право отъ безправія,— настолько мало является самостоятельнымъ творцомъ конкретныхъ правовыхъ положеній, что, наоборотъ, содержаніе и структура какой-нибудь опредѣленной организаціи устанавливаетъ также и родъ соотвѣтствующихъ правовыхъ представленій. То же самое относится и ко всѣмъ другимъ соціальнымъ функціямъ, какъ религія, миѳы, искусство и т. д., — словомъ, это имѣетъ мѣсто всюду, гдѣ мы имѣемъ

дѣло съ реальной общественной жизнью и ея результатами. Кто еще придерживается ложной точки зрѣнія 18-го столѣтія, именно, теоріи индивидуальнаго изобрѣтенія и творчества, тотъ неминуемо приходитъ къ опровергнутой теоріи договора и планомѣрнаго соглашенія, теоріи, начертанной Руссо. Мы этимъ вовсе не хотимъ обезцѣнивать или даже вообще оспаривать значеніе индивидуальной дѣятельности (на чемъ мы ниже остановимся подробнѣе, ср. § 24); точно также нѣтъ нужды въ особой таинственной мистической субстанціи, чтобы придать обществу сущность и силу. Ибо рѣчь идетъ исключительно о той основной истинѣ, что индивидуумъ можетъ развиваться лишь внутри организаціи, которая его поддерживаетъ и охраняетъ, и что реальность этого общества достаточно обоснована уже этимъ глубокимъ вліяніемъ, которое оно оказываетъ на всѣхъ входящихъ въ него членовъ. Впрочемъ, надо думать, что огромная работа всѣхъ поколѣній — то, что̀ мы выше обозначили понятіемъ исторической непрерывности — представляетъ собою весьма конкретный соціально-психическій факторъ непрерывной духовной культуры, поэтому достаточно защищаетъ насъ отъ подозрѣнія въ томъ, что мы предаемся враждебной всякому опыту спекуляціи.

1. Глава. **Языкъ.**

Языкъ служитъ самимъ краснорѣчивымъ свидѣтелемъ соціально-психической дѣятельности; ибо онъ цѣликомъ является продуктомъ общественной жизни (независимо отъ взгляда на его происхожденіе) и, съ другой стороны, образуетъ естественно-необходимую основу всего дальнѣйшаго духовнаго творчества, какъ матеріалъ необходимаго для этого взаимнаго пониманія. Поэтому мы прежде всего устанавливаемъ тотъ фактъ, что языкъ является неотъемлемой первоначальной принадлежностью человѣческаго рода,

съ логическою необходимостью связанною съ его существованіемъ; что онъ, — поскольку мы въ состояніи проникнуть нашимъ взоромъ въ туманную даль доисторическаго быта, — имѣется даже у самыхъ жалкихъ ордъ. Предположенія отдѣльныхъ изслѣдователей о безсловесномъ первобытномъ человѣкѣ являются порожденіемъ фантазіи, справедливо преданнымъ забвенію. Правда, одинъ камень преткновенія не удается убрать съ пути; это именно недостатокъ внутренней связи между содержаніемъ или понятіемъ слова и его звукомъ, хотя внутри опредѣленныхъ группъ языковъ все обиліе матеріала удалось свести къ немногимъ первоначальнымъ корнямъ. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что и Максъ Мюллеръ въ своей гипотезѣ о происхожденіи языка, изъ clamor concomitans, изъ возгласовъ, раздающихся при общей работѣ въ формѣ звуковъ и междометій, несомнѣнно выразилъ (можетъ быть непроизвольно) соціально-психическую мысль. Въ общемъ и цѣломъ можно, конечно, принять его положеніе, что языкъ образуетъ Рубиконъ между человѣкомъ и звѣремъ.

Мы лишь тогда будемъ стоять на почвѣ надежныхъ фактовъ, когда мы разсмотримъ прежде всего формы примитивнаго словеснаго выраженія, какими мы ихъ находимъ въ языкѣ знаковъ и жестовъ. Даже въ нашей высоко стоящей культурѣ сохранились эти первоначальныя средства объясненія, особенно, какъ вспомогательное средство при недостаткѣ абстрактныхъ обозначеній; но въ полной мѣрѣ этими средствами пользуются первобытные народы и часто дѣти; пользуются ими, наконецъ, глухонѣмые, при чемъ знаки у нихъ настолько общеупотребительны, что, по свидѣтельству Ливингстона, въ Африкѣ примѣняются среди глухонѣмыхъ тѣ же знаки, что и въ Европѣ. Пока имѣется въ виду предметъ, находящійся налицо между собесѣдниками, при чемъ достаточно простое ука-

заніе, — дѣло обстоитъ еще довольно просто. Но отъ собесѣдующихъ требуется уже большее искусство, когда необходимо посредствомъ соотвѣтствующихъ подражаній выражать представленія. Случается, что нѣкоторые жесты переходятъ, какъ рудиментарные остатки, въ болѣе поздній періодъ, и тогда становятся понятными только путемъ особыхъ поясненій. Такъ, напр., у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ слово „собака“ обозначается передвиженіеъ двухъ пальцевъ, какъ будто тащатъ по землѣ двѣ жерди — знакъ изъ тѣхъ временъ, когда у индѣйцевъ было еще мало лошадей, и они перетаскивали жерди своихъ палатокъ при помощи собакъ. Но чѣмъ абстрактнѣе становится дѣйствіе или явленіе, тѣмъ менѣе жесты въ состояніи предохранять отъ ложныхъ толкованій, и даже остроумная комбинація различныхъ знаковъ здѣсь уже недостаточна. Но нельзя не признать, что дикіе народы, благодаря продолжительному упражненію и малой склонности къ абстракціямъ, вкладываютъ въ свои жесты гораздо бо̀льшій смыслъ и придаютъ имъ значительно бо̀льшее значеніе, чѣмъ мы.

Такимъ же продуктомъ непосредственнаго соціально-психическаго взаимодѣйствія является выраженіе мыслей и чувствъ, именно сильныхъ аффектовъ радости и горя, посредствомъ звуковъ и криковъ, которые при помощи соотвѣтствующаго измѣненія голоса могутъ принимать безконечно тонкіе и разнообразные оттѣнки. Тѣмъ самымъ они получаютъ извѣстную реторически-музыкальную окраску, которая настолько независима отъ этнографическихъ различій, что можетъ претендовать на прямо-таки интернаціональное значеніе. Сюда относятся, наконецъ, чисто подражательные звуки, которые мы находимъ въ особенности у дѣтей, когда ихъ умственный горизонтъ начинаетъ медленно расширяться. Этотъ языкъ природы, также вполнѣ универсальный, по всей вѣроятности, служилъ весьма

существеннымъ моментомъ въ созданіи языка въ собственномъ смыслѣ, о чемъ наглядно свидѣтельствуютъ отдѣльные примѣры; онъ играетъ большую роль и въ животномъ царствѣ, хотя мы, правда, не можемъ знать, насколько далеко простирается абстракція у животныхъ.

Эта картина станетъ еще значительнѣе, если мы перенесемъ нашъ соціально-психологическій анализъ съ разсмотрѣнія формы на содержаніе языка и мыслей, безразлично въ прозѣ или въ поэзіи. Каждое научное изслѣдованіе обладаетъ опредѣленными логическими и гносеологическими истинами, общедѣйствительными предпосылками и опредѣленіями понятій, безъ которыхъ вообще не было бы возможно никакое взаимное объясненіе. Это именно относится къ нашему современному интернаціональному обмѣну мыслей, основывающемуся, при всемъ словесномъ различіи, на одной и той же ступени духовной культуры и способности сужденія. Съ другой стороны, нельзя, конечно, изъ богатства или бѣдности языка дѣлать какой-либо выводъ объ интеллектуальномъ развитіи, — китайцы, напр., обходятся весьма неуклюжимъ нарѣчіемъ, тогда какъ бушмены обладаютъ сравнительно богато-расчлененнымъ языкомъ; матеріальныя потребности, экономическія условія и мн. др. также играютъ здѣсь значительную роль. Но, въ общемъ, изъ богатства сказаній, миѳологическихъ и религіозныхъ воззрѣній, нравственныхъ идеаловъ путемъ чисто этимологическаго расчлененія сокровищницы языка можно съ приблизительною точностью получить картину данной ступени соціально-политическаго развитія; весьма успѣшныя попытки этого рода были сдѣланы сравнительнымъ языковѣдѣніемъ нашихъ дней. Въ этомъ отношеніи великій національный эпосъ служитъ богатѣйшимъ источникомъ; эпическія произведенія съ наглядной вѣрностью повѣствуютъ намъ объ исторіи куль-

туры даннаго народа въ опредѣленные, большей частью не поддающіеся точному историческому разграниченію, періоды развитія. Это творчество народа, находящагося въ состояніи здороваго и гармоническаго развитія, является неопровержимымъ доказательствомъ мощной общей соціально-психической жизни, распредѣляющейся на безконечное множество поколѣній и поэтому представляющей нашему обобщающему взору картину почти непрерывной преемственности. Это единство устныхъ преданій, — по большей части прославляющихъ великія національныя событія и дѣянія, при подвижности творческой фантазіи и связанномъ съ этимъ постоянномъ измѣненіи подробностей, — объяснимо только путемъ предположенія непрерывнаго общенія и органическаго взаимодѣйствія всѣхъ членовъ даннаго народа. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, что сказанія, — при всей поэтической свободѣ и соотвѣтствующей переработкѣ фактовъ, — всегда содержатъ, тѣмъ не менѣе, болѣе или менѣе компактное историческое ядро о происхожденіи, родинѣ, странствованіяхъ, военныхъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ; поэтому языкъ, въ особенности, поэзія, оказывается для психологическаго анализа крайне цѣннымъ культурнымъ достояніемъ. Далѣе, языкъ, какъ важнѣйшее условіе всякой дальнѣйшей культурной работы, проявляетъ свой соціально-психическій характеръ въ томъ, что онъ является живымъ организмомъ, подчиненнымъ, вслѣдствіе этого, общимъ законамъ духовнаго развитія. Въ каждомъ языкѣ, связанномъ прежде всего съ опредѣленной этнической областью и развивающемся далѣе въ многообразныхъ діалектическихъ развѣтвленіяхъ, можно прослѣдить періодическія измѣненія, — періодъ расцвѣта, извѣстной достигнутой высоты и затѣмъ опять медленнаго умиранія и неудержимаго упадка. И этотъ процессъ, при всѣхъ со-

впаденіяхъ въ основныхъ нормахъ, изобилуетъ всевозможными отклоненіями. Рука объ руку съ великими историческими катастрофами, расшатывающими или даже разрушающими существующій національный составъ, происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе первоначальнаго языка и смѣшеніе его съ другими, пока его мѣсто не займетъ другой языкъ, и тогда онъ продолжаетъ жить только въ историческомъ воспоминаніи. Такъ мы различаемъ мертвые и живые языки, хотя послѣдніе большей частью содержатъ въ себѣ пережитки исчезнувшихъ; такъ, древне-египетскій языкъ, сошедшій со сцены раньше, чѣмъ сама древнеегипетская культура, сохранился въ коптскомъ языкѣ, а готскій — хотя безъ прямого продолженія — сохранился въ старо-верхне-германскомъ. Затѣмъ — особенно у народовъ низшей культуры, большое значеніе имѣютъ различные діалекты, широко распространенные въ огромномъ количествѣ, тогда какъ болѣе высокая культура угрожаетъ самостоятельности нѣкоторыхъ діалектовъ, уже благодаря несравненному перевѣсу письменности.

При отсутствіи большихъ центровъ, поглощающихъ всѣ частные интересы (какъ, напр., у первобытныхъ народовъ) незначительныя естественныя препятствія, какъ рѣки и горы, уже создаютъ благопріятную почву для роста такихъ діалектическихъ образованій, такъ, напр., у упомянутыхъ уже бушменовъ. Наконецъ, преобразованіе языка выражается въ происходящемъ съ теченіемъ времени измѣненіи значенія словъ; это можетъ совершиться уже въ предѣлахъ одного поколѣнія, и именно при постоянно возобновляющейся замѣнѣ вымершихъ формъ и окончаній. Старыя выраженія, не подходящія болѣе для молодого поколѣнія, становятся привилегіей особой касты, большей частью жрецовъ и вождей, и уже поэтому они окружаются священнымъ религіознымъ

ореоломъ, получающимъ большое значеніе для цѣлей культа. Какъ извѣстно, магическая сила слова заключаетъ для посвященнаго цѣлую науку, сакраментальную святость которой не мало выдвигаетъ его надъ неразумной массой обыкновенныхъ людей. Всѣ религіи, начиная отъ жалкихъ манипуляцій шамановъ и жрецовъ фетишизма и кончая возвышенными представителями зрѣлаго богопознанія, многое могутъ повѣдать объ этой важной главѣ ритуала и мистики.

Въ заключеніе этого обзора необходимо еще вкратцѣ освѣтить вопросъ объ отношеніи языка къ расѣ, поскольку это можетъ имѣть соціально-психологическое значеніе. Какъ мы уже замѣтили, первоначально языкъ долженъ былъ ограничиваться узкою этнической областью, о чемъ еще свидѣтельствуютъ намъ современные некультурные народы; здѣсь языкъ народа еще совпадаетъ съ его происхожденіемъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ нарушено какимъ-нибудь насильственнымъ образомъ спокойное развитіе. Но какъ только начинается смѣшеніе расъ, мѣняются первоначальныя границы. Негръ Соединенныхъ Штатовъ, говорящій по англійски, или кельтскій житель Корнвалиса не могутъ быть причислены къ англосаксамъ; точно также не принадлежитъ къ урало-алтайской расы сербъ, говорящій по-турецки. Но, съ другой стороны, именно это заимствованіе чужихъ словъ и даже перемѣна языка даютъ намъ вообще недвусмысленныя указанія, изъ которыхъ мы можемъ дѣлать опредѣленные выводы о географическомъ и историческомъ измѣненіи арены, на которой происходило это развитіе. Если мы такимъ путемъ будемъ въ нашемъ изученіи шагъ за шагомъ возвращаться отъ живыхъ еще языковъ къ вымершимъ, то мы получимъ богатыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ, которыя носители даннаго языка претерпѣвали съ теченіемъ времени. Но если сравнительное языковѣдѣніе будетъ пренебрегать

помощью антропологіи, разсматривающей также чисто тѣлесныя измѣненія (роста, черепа, волосъ и т. д.), то окончательнаго отвѣта, разумѣется, не послѣдуетъ. Но проблема происхожденія расы, какъ таковой, не является проблемой соціально-психологическаго изслѣдованія, а относится исключительно къ области спеціальнаго естественно-научнаго изслѣдованія; послѣднее можетъ имѣть извѣстное соціально-психологическое значеніе лишь, поскольку оно совершенно отвлекается отъ индивидуума, какъ таковаго; такимъ образомъ, физическое видовое единство человѣческаго рода даетъ косвенное подтвержденіе духовнаго единства рода homo sapiens.

2. Глава. **Религія и миѳологія.**

Какъ уже неоднократно было упомянуто, эти двѣ тѣсно соприкасающіяся области также являются предметами соціально-психологическаго изслѣдованія; всѣ индивидуально-психологическія попытки, напротивъ, умаляютъ рѣшающее значеніе общей среды для всѣхъ религіозныхъ и миѳологическихъ представленій; индивидуально-психологическое пониманіе приписываетъ поэтому отдѣльному человѣку, который прославляется какъ основатель религіи, — особое, не соотвѣтствующее дѣйствительности положеніе. Миѳъ обнимаетъ всю картину міра первобытнаго человѣка, и въ эту картину вплетена также и его собственная личность; вотъ почему картина эта носитъ соотвѣтствующія индивидуальныя черты. Природа и соціальная жизнь — это та резонансовая дека, въ тонъ которой настраивается творческая фантазія, чтобы разсматривать глубоко-серьезную загадку жизни въ свѣтѣ драмы, точно приноровленной къ человѣческимъ условіямъ. То преобладаетъ бодрое, наивно-оптимистическое воззрѣніе, какъ у грековъ Гомера, то глубочайшая, трагическая черта, какъ у древнихъ герман-

цевъ, то рядомъ съ этимъ проявляется явно спекулятивная склонность, какъ у полинезійцевъ, въ особенности же у гавайцевъ или индусовъ, то наконецъ логически неразвитая мысль первобытнаго человѣка запутывается въ своихъ первыхъ же выводахъ, которые она отваживается дѣлать изъ предпосылокъ, какъ у большинства негрскихъ племенъ, — но эта картина міра всегда соотвѣтствуетъ психологической индивидуальности даннаго народа и является вѣрнымъ ея отраженіемъ. Мы получаемъ, такимъ образомъ, наглядную и подробную картину всего культурно-историческаго уровня; сюда относится также безнравственные элементы миѳа, часто ложно истолковываемые. Эти представленія о человѣкѣ, его происхожденіи и дальнѣйшей судьбѣ, о дѣяніяхъ отдѣльныхъ боговъ и природѣ — тотчасъ же становятся религіозными, какъ только съ ними связывается какая-нибудь практическая цѣль, какъ только культъ получаетъ, слѣдовательно, какую-либо форму и обуславливаетъ посредствомъ молитвъ, клятвъ и жертвъ непосредственное личное отношеніе человѣка къ божеству, а позже устанавливаетъ также первые этическіе критеріи и обязанности.

Универсальность миѳа и религіи вытекаетъ изъ постояннаго взаимодѣйствія между укладомъ человѣческой души и внѣшней природой; мы и здѣсь неуклонно придерживаемся соціально-психологической точки зрѣнія, въ противоположность другому, теперь, впрочемъ, оставленному взгляду о географическомъ распространеніи отъ одного, большей частью произвольно установленнаго, центра. Именно въ этомъ направленіи созданы весьма фантастическія конструкціи, ибо факты не давали достаточныхъ опорныхъ точекъ.

Изъ отдѣльныхъ составныхъ частей миѳа, поскольку онѣ имѣютъ значеніе для нашихъ цѣлей, прежде всего слѣдуетъ упомянуть космогоническія идеи о происхожденіи

міра. Постепенное отвлеченіе отъ многообразія физическихъ явленій приводило къ все болѣе высокимъ, всеобъемлющимъ принципамъ; люди и животныя, вся органическая жизнь, небо и земля какъ бы растворяются въ доисторической первичной туманности, — началомъ вещей была вѣчная ночь, изъ нѣдръ которой происходитъ все (такъ у гавайцевъ), или темное первопространство, какъ у Гесіода или въ германской Велуспѣ (древн. часть Эдды), или у вавилонянъ, или, наконецъ, безначальное, включающее всякую смѣну и всякое развитіе, время, какъ у индусовъ и иранцевъ. Согласно противоположности между матеріей и духомъ мы видимъ также отклоненія, то въ сторону монизма, то дуализма. Эти разнообразнѣйшія картины міра, давая намъ возможность съ значительною степенью точности дѣлать выводы о духовномъ развитіи народовъ, представляютъ для насъ поэтому большой культурно-историческій интересъ. Ибо космогоніи находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ религіей и культомъ, съ воззрѣніями на дѣйствіе силъ природы и т. д.; часто (но далеко невсегда) онѣ отражаютъ непосредственную связь съ физическими условіями страны, идеализированной картиной которой онѣ являются. На этомъ основываются, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — отдѣльныя мѣстныя отклоненія въ противоположность типическимъ совпаденіямъ въ другихъ отношеніяхъ, дающимъ намъ и въ этомъ отношеніи основаніе предполагать закономѣрность развитія духовнаго роста. Ибо вездѣ передъ нами одни и тѣ же мотивы творчества, именно — неискоренимое стремленіе къ объясненію явленій и къ оріентированію въ данной окружающей средѣ, единство и однородность человѣческой души и, наконецъ, періодическая смѣна жизни природы и строго закономѣрное теченіе всѣхъ явленій въ предѣлахъ этихъ широкихъ рамокъ.

Съ этимъ непосредственно переплетается широкая область теогоническихъ представленій, такъ что на дѣлѣ трудно провести рѣзкое обособленіе. Вмѣстѣ съ мыслью о происхожденіи міра появляется у первобытнаго человѣка, не расположеннаго къ абстракціямъ и требующаго персонификаціи, вѣра въ боговъ. Здѣсь мы видимъ или строителя міра, который лишь оформляетъ и преобразовываетъ уже существующій матеріалъ, или же (что̀ встрѣчается рѣже) дѣйствительнаго творца міра, создающаго все изъ ничего исключительно посредствомъ собственной силы. Чисто человѣческія черты опять-таки проявляются здѣсь въ томъ, что міръ боговъ дѣлится на отдѣльныя ступени съ суверепнымъ властелиномъ во главѣ. Даже столь широко развѣтвленныя политеистическія религіи первобытныхъ народовъ обнаруживаютъ эту централистическую тенденцію; отсюда дальнѣйшая аналогія съ человѣческими условіями, выражающаяся, напр., въ спорѣ изъ-за первенства, изъ-за главенства надъ другими божествами и демонами. Большинство миѳологическихъ сказаній повѣтствуетъ о такой кровавой борьбѣ, въ которой всѣ низшія страсти обитателей земли играютъ роковую роль. Но предметомъ миѳа служитъ не только происхожденіе міра, но и царящій въ ней порядокъ, и это тѣмъ болѣе, что взоръ человѣка естественнымъ образомъ направляется не на далеко отошедшее назадъ прошлое, а скорѣе на существующій порядокъ вещей; здѣсь именно во всей живости и наглядности проявляется миѳъ, изображающій отношеніе боговъ къ природѣ.

При обиліи матеріала мы должны ограничиться нѣкоторыми общими замѣчаніями. Всюду проникающей основной чертой является анимизмъ, всеодушевленность природы, населенность видимаго міра духами и человѣкоподобными, частью добрыми, частью злыми, существами, благосклонность которыхъ покупается молитвами и жертвами.

Все происходящее на землѣ, всѣ явленія природы, все это — непосредственное дѣйствіе этихъ божествъ, находящихся въ каждомъ веществѣ и элементѣ; такимъ образомъ вся эта пестрая игра лишена всякой строгой закономѣрности, и значительную роль играетъ лишь настроеніе, случай и чародѣйство, окруженное религіознымъ ореоломъ. Съ другой стороны, въ этихъ представленіяхъ отражаются нѣкоторыя соціальныя обычаи и установленіе, такъ, напр., развитый у индѣйцевъ и австралійскихъ негровъ тотемизмъ, т. е. вѣра въ опредѣленное животное, какъ родоначальника даннаго племени; животное это часто считается поэтому неприкосновеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ эмблемою всѣхъ членовъ даннаго племени. Сюда еще присоединяется мистическая мысль о таинственномъ сродствѣ человѣка и животнаго: они оба—существа, развитіе которыхъ находится въ непосредственномъ взаимодѣйствіи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., въ силѣ и ловкости, животныя даже превосходятъ человѣка. Замѣтимъ кстати, что культъ животныхъ, воплощеніе божествъ въ животныхъ и, наконецъ, вѣра въ странствованіе души покоится на этой основѣ. Эта соціальная связь еще сильнѣе проявляется въ культѣ предковъ и героевъ, служащемъ прямо-таки основою многихъ миѳологій и религій, напр., у китайцевъ. Такъ какъ, далѣе, для всего развитія этихъ идей оба великихъ полюса нашего существованія — рожденіе и смерть — имѣютъ рѣшающее значеніе, то и здѣсь выступаютъ соціальные моменты. Въ цѣпи явленій эта связь представляется слѣдующимъ образомъ: нареченіе ребенка, принятіе юноши въ союзъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе (такъ называемое освященіе совершеннолѣтія), женитьба и погребеніе. Еще сильнѣе выражается соціальная функція вождей, которые и послѣ смерти пользуются почестями, оказываемыми имъ при жизни. Съ этой точки

зрѣнія и получаетъ свое страшное психологическое объясненіе безумная человѣческая рѣзня у могилы африканскаго короля: вождю и въ загробной жизни необходимъ соотвѣтствующій блескъ и церемоніалъ. При этомъ конечно, могутъ играть извѣстную роль чувства уваженія (что трудно установить), особенно у небольшихъ патріархальныхъ родовыхъ союзовъ; этотъ культъ, во всякомъ случаѣ, вырастаетъ вполнѣ органически, какъ естественный продуктъ внутренней организаціи орды. Когда культъ предковъ развивается въ культъ героевъ, узкія границы отпадаютъ, божества отдѣляются отъ физическихъ явленій и элементарныхъ силъ природы, чтобы вступить въ болѣе тѣсную связь съ соціальной жизнью. Они становятся покровителями мирныхъ интересовъ и различныхъ отраслей дѣятельности или же цѣлыхъ племенъ и народовъ; боги, стоявшіе раньше на недосягаемой высотѣ, становятся особыми народными героями, покровителями національной, быть можетъ, съ трудомъ достигнутой культуры, и поэтому имъ оказываютъ гораздо болѣе искреннее почитаніе, чѣмъ прежнимъ богамъ. Народовѣдѣніе знаетъ цѣлый рядъ такихъ героевъ, увѣнчанныхъ ореоломъ божественнаго почитанія, отъ греческаго Геракла до полинезійскаго Лоно или перуанскаго Виракоха, или ацтекскаго Кветцалкоатла. Здѣсь сказаніе и исторія сливаются въ одно, и народъ видитъ въ этихъ носителяхъ культуры (въ этомъ этическая сторона развитія) настоящіе нравственные образцы, которымъ онъ со всей силой стремится подражать.

Та же тѣсная связь миѳологическаго сознанія съ дѣйствительностью проявляется и въ томъ, на первый взглядъ странномъ, фактѣ, что миѳъ часто беззастѣнчиво раскрываетъ намъ недостатки и слабости боговъ. Миѳы изображаютъ намъ хитрость, обманъ, насиліе, необузданную чувственность, и лишь очень медленно созрѣваетъ

относительно высшая нравственная оцѣнка, намѣренно выдвигающая это первоначально вовсе не ощущавшееся противорѣчіе. Та же своекорыстная разсчетливость проступаетъ, понятно, и въ поведеніи человѣка по отношенію къ богамъ, напр., въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ, гдѣ нерѣдко на основаніи опредѣленныхъ дѣйствій просто заключается договоръ. Эту точку зрѣнія весьма ярко изображаетъ намъ Ад. Бастіанъ въ разсказываемомъ имъ случаѣ, когда фетишъ въ Африкѣ, чтобы дать правильныя свѣдѣнія (рѣчь идетъ объ отысканіи вора), уже передъ самимъ жертвоприношеніемъ подвергается жестокому бичеванію, чтобы, — какъ саркастически замѣчаетъ авторъ, — онъ не слишкомъ легко отнесся къ дѣлу.

Наряду съ миѳами само собой развиваются религіозныя воззрѣнія и требованія, такъ какъ обѣ сферы тѣсно сплетены другъ съ другомъ. Религіозное міросозерцаніе характеризуется тѣмъ, что взоръ при этомъ всюду направляется на идеальное бытіе, глубоко вліяющее на всѣ наши чувствованія и волю. Къ религіи, съ этнологической точки зрѣнія, непосредственно относится и культъ, какъ мы сейчасъ яснѣе увидимъ. Понятіе Бога — въ какихъ бы жалкихъ искаженіяхъ оно не проявлялось (конечно, разсматривая съ нашей точки зрѣнія) — образуетъ остовъ всякаго религіознаго воззрѣнія. Если въ постепенномъ развитіи религіозныхъ представленій фетишизму отводится наиболѣе низкое мѣсто, то это справедливо, поскольку въ немъ открыто проявляется грубая чувственность; поэтому не простая случайность та, что эта черта въ существенно сходномъ видѣ повторяется у различныхъ народовъ и даже на низшихъ ступеняхъ болѣе высокой культуры. Насколько сильно именно здѣсь дѣйствуютъ соціальные мотивы, наглядно покажетъ намъ примѣръ Центральной Африки. Тамъ, къ опредѣленному времени, цѣлыя колоніи юношей

отправляются въ лѣсъ, чтобы посвятить себя служенію божеству, именно къ началу совершеннолѣтія, наиболѣе способствующаго, при соблюденіи извѣстныхъ обѣтовъ и постовъ, желанному союзу съ великимъ фетишемъ. Нѣчто подобное встрѣчается и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, только тамъ къ участію привлекаются, по бо̀льшей части, не столь широкіе круги. Въ фетишизмѣ и въ шаманствѣ мудрый жрецъ-магъ занимаетъ по понятнымъ причинамъ весьма видное положеніе, ибо онъ умѣетъ привести въ соглашеніе земныя отношенія и личныя желанія съ мнимыми требованіями божества; обыкновенно жрецъ и вождь одно и то же лицо, и соціально-психическій моментъ, такимъ образомъ, вновь одерживаетъ полную побѣду. Еще непосредственнѣе и глубже проявляются, пожалуй, соціальныя отношенія въ политеизмѣ; то значеніе, которое имѣютъ вожди и короли у людей, главные божества получаютъ по отношенію ко второстепеннымъ, такъ что, совершенно по земному образцу, надъ этой пестрой толпой боговъ возвышается выдающійся образъ одного общепризнаннаго владыки.

И въ этомъ отношеніи соотвѣтствующіе типы религіознаго сознанія сходны въ своихъ высшихъ проявленіяхъ у различныхъ, совершенно чуждыхъ по племенному происхожденію народностей. Укажемъ на мало извѣстный примѣръ: африканскій Укулункулу кафровъ является одновременно и прародителемъ человѣческаго рода и первымъ человѣкомъ, властвующимъ въ возвышенномъ, уединенномъ величіи, далекимъ отъ обыденныхъ дѣлъ смертнаго, и поэтому столь же недосягаемымъ для простого народа, какъ, напр., полинезійскій Тангалоа.

Соціальныя мотивы и отношенія столь же ясно проступаютъ въ собственно психологическихъ элементахъ религіи, въ представленіяхъ о происхожденіи, сущности и

дальнѣйшей судьбѣ человѣческой души. Чрезвычайно важно уже возникновеніе понятія души, предположительно изъ явленій сновидѣнія, или изъ потрясающихъ впечатлѣній, производимыхъ на воспріимчивый духъ первобытнаго человѣка фактами рожденія и смерти. Лишь въ средѣ этнической общины эти постоянно повторявшіяся наблюденія могли, въ своемъ дальнѣйшемъ развитій, повести къ созданію значительной идеи, возможной лишь при условіи непрерывнаго взаимодѣйствія всѣхъ членовъ племени. То же самое можно сказать и о дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ вѣры въ существованіе души, о продолженіи ея существованія, о различныхъ ея странствованіяхъ, о ея вселеніи въ тѣла, о загробномъ мірѣ и т. д., — всюду фантазія исходитъ изъ земного образца. Земныя отношенія являются при этомъ настолько опредѣляющими, что на о. Тонгѣ, напр., только вожди достигаютъ блаженной страны Болоту, тогда какъ простой народъ долженъ довольствоваться своего рода иллюзіей существованія; сходнымъ образомъ различаютъ на о. Гаваѣ аристократическое небо — царство Такеаса, и подземный адъ, подвластный Милусу, для обыкновеннаго человѣка.

Культъ всесторонне и весьма наглядно обнаруживаетъ вліяніе соціальныхъ мотивовъ. Характерно уже перенесеніе силъ природы въ область домашней и общественной жизни, напр., культъ домашняго очага, Гестіи или Весты, — культурный фактъ первостепенной важности. Въ этомъ смыслѣ набросанная Максомъ Миллеромъ „біографія", какъ онъ выражается, индійскаго бога огня Агни является весьма интересной главой духовнаго развитія нашихъ арійскихъ предковъ.

То же близкое соприкосновеніе съ соціальной жизнью обнаруживаютъ и ритуалъ, жертвоприношеніе съ его дальнѣйшими развѣтвленіями-постами, торжественные обѣты,

и прежде всего сословіе жрецовъ, являющихся посредниками между Богомъ и людьми. Исторія жертвоприношенія, отъ его первыхъ кровавыхъ зачатковъ — человѣческихъ жертвоприношеній, искупленія черезъ посвященіе перворожденныхъ и кончая простыми символами, — все это является вѣрнымъ отраженіемъ соціальныхъ установленій и обычаевъ. Но призваннымъ хранителемъ божественныхъ тайнъ является строго организованное сословіе жрецовъ, которое вплоть до ступеней высшей культуры отражаетъ соціальныя схемы. Кастовое дѣленіе, привилегированное занятіе опредѣленными профессіями и, наконецъ, широко-распространенныя школы, въ которыхъ мальчики и юноши обучались таинственнымъ наукамъ, — все это обезпечиваетъ жрецамъ необходимую связь съ господствующими соціальными теченіями. Нѣтъ даже необходимости особенно подчеркивать, что верховенство жрецовъ цѣликомъ соотвѣтствуетъ земному образцу, такъ что старѣйшій вождь вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецъ. Тайные союзы (т. е. народныя организаціи для опредѣленія наказанія при отсутствіи должной государственной исполнительной власти), находящіеся подъ защитой жрецовъ, также являются по своей природѣ соціальными. Таковымъ же является судебный п р о ц е с с ъ, первоначально окруженный религіознымъ ореоломъ, и прежде всего ордаліи (судъ Божій). Всѣ эти установленія уже потому непосредственно соприкасаются съ соціальною жзнью, что по большей части они преслѣдуютъ важныя общественныя цѣли, какъ, напр., огражденіе собственности, обнаруженіе вора или убійцы, борьба съ эпидеміями, вызываніе дождя и т. п. Не безъ основанія могучій жрецъ-кудесникъ такъ страшенъ всѣмъ первобытнымъ народамъ.

Коснемся еще вкратцѣ современнаго отношенія между религіей и культурнымъ уровнемъ и вопроса о томъ, насколько оно соотвѣтствуетъ болѣе высокимъ требованіямъ.

Религія, чтобы быть жизнеспособной, не должна ограничиваться спекулятивными вопросами и догматическими изысканіями, она должна стремиться къ тому, чтобы матеріальную солидарность интересовъ — эту непреложную основу нашей культуры — возвысить въ сферу идеала. Тогда это будутъ уже не внѣшнія блага, которыя имѣются въ виду въ борьбѣ за существованіе, а этически цѣнное благо, неизмѣримо возвышающее даже послѣдняго бѣдняка надъ эгоистомъ-милліонеромъ. Но это облагораживаніе образа мыслей должно всегда, — во избѣженіе неожиданной сильной реакціи (которою сопровождалось, напр., большинство роковыхъ кризисовъ аскетизма и мистики), — непосредственно связываться съ задачами реальной жизни, религіозное чувство должно посвятить всю свою энергію земной жизни, чтобы тѣмъ самымъ нанести смертельный ударъ плѣняющему человѣка буддистскому ученію о тлѣнности нашего міра. Можно надѣяться, что именно это соціальное примѣненіе (здѣсь не мѣсто обсуждать его въ частностяхъ) религіозныхъ мотивовъ породитъ здоровый оптимизмъ. Этотъ подъемъ культурнаго уровня, съ которымъ неразрывно связаны духовное развитіе и нравственное облагораживаніе, самъ собою ведетъ къ уменьшенію всевозможныхъ чисто догматическихъ споровъ; на первый планъ выступаетъ, наоборотъ, соціальное попеченіе въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, экономическій подъемъ низшихъ классовъ народа, улучшеніе гигіеническихъ условій и пр., чтобы проложить дорогу новому высшему типу человѣка. Это воспитаніе гуманности, — чтобы не оказаться пустой утопіей, — должно находиться въ плодотворномъ общеніи съ настоящимъ историческимъ духомъ, связаннымъ съ конкретной жизнью народовъ. Изъ универсальной соціальной религіи, соотвѣтствующей каждому данному состоянію культуры и призванной къ тому, чтобы путемъ приложенія всѣхъ истинныхъ побужденій чувства,

нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ вызвать истинный, возможно общій прогрессъ, — изъ такой религіи можно было бы тогда вывести еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ нормъ и предписаній, ближе опредѣляющихъ осуществленіе этой задачи. Въ концѣ концовъ всѣ эти различныя требованія сводятся къ одной великой этической кардинальной проблемѣ, — къ обузданію эгоизма путемъ постепеннаго развитія симпатическихъ альтруистическихъ чувствъ. Такимъ образомъ жизнь какъ бы насыщается этическими идеалами, направленными на дружную соціальную жизнь человѣчества, на благо — какъ мы можемъ надѣяться — самой религіи.

3. Глава. **Право и обычай.**

§ 22. а) Собственность и владѣніе.

Какъ мы уже неоднократно упоминали, вмѣстѣ съ существованіемъ человѣческаго рода дана и наличность извѣстныхъ соціальныхъ союзовъ; на примитивныхъ ступеняхъ развитія право и обычай, по меньшей мѣрѣ, совпадаютъ; обычай, традиція, часто окруженная религіознымъ ореоломъ, настолько совершенно покоряетъ первобытнаго человѣка, что врядъ ли необходимы еще принудительныя средства, чтобы обуздывать его личныя желанія. Поэтому всякія преступленія и прегрѣшенія противъ обычая считаются правовыми нарушеніями, направленными противъ существованія самой огранизаціи, и, такимъ образомъ, обычай и традиція становятся непоколебимой основой соціальной жизни. Это ясно видно, напр., изъ древняго религіознаго долга кровавой мести, требующаго непремѣннаго искупленія совершеннаго злодѣянія, нарушеннаго мира (лишь значительно позже появляется соглашеніе, выкупъ и др.), такъ что опять возстанавливается нарушенное равновѣсіе. Это первоначальное состояніе мѣняется вмѣстѣ съ постепеннымъ

расхожденіемъ обѣихъ областей, такъ что постепенно создается болѣе или менѣе рѣзкая противоположность между правомъ и обычаемъ, и поэтому индивидуальность отдѣльнаго представителя племени болѣе не совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ типомъ ассоціаціи. Дальнѣйшія слѣдствія такого представленія мы разсмотримъ нѣсколько ниже (ср. § 24); пока же необходимо удѣлить нѣсколько замѣчаній дальнѣйшему развитію правосознанія. Соціально-психическое происхожденіе всего права врядъ ли гдѣ-нибудь обнаруживается яснѣе, нежели въ понятіи собственности; всякое владѣніе является вначалѣ не индивидуальнымъ, а общественнымъ. Хотя каждому предоставлено пользованіе землей, никто, однако, не можетъ считаться неограниченнымъ собственникомъ. Это особенно относится къ стадіи охоты и рыболовства, затѣмъ кочевничества, — здѣсь выгоны, охотничьи земли и пр. принадлежатъ всему племени; это воззрѣніе, какъ извѣстно, сохранилось вплоть до временъ болѣе высокой культуры. Лишь земледѣліе создаетъ изъ этой общей собственности, благодаря трудной и планомѣрной обработкѣ небольшихъ участковъ земли, частную собственность — сначала хотя бы для группъ и семей — и этимъ затѣмъ открывается цѣлый рядъ крайне цѣнныхъ культурныхъ благъ. Благодаря обрабатыванію земли возросло право отдѣльнаго человѣка на тотъ участокъ, которымъ при патріархальномъ порядкѣ весьма произвольно распоряжался глава отъ имени всего союза. Впрочемъ, достойно вниманія, что прежде всего развилась индивидуальная собственность на оружіе и снаряды для ловли у охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ; выраженіе „Leibwaffe" является, какъ полагаетъ Липпертъ, въ этомъ отношеніи символическимъ. Широкую возможность индивидуальнаго пріобрѣтенія даютъ затѣмъ война и распря, хотя и здѣсь отдѣльный человѣкъ часто подчиняется со-

ціальнымъ требованіямъ. Образованіе сословныхъ различій также содѣйствуетъ индивидуализаціи владѣнія; подвластному рабочему классу отводится тогда часть земли на правахъ леннаго владѣнія. Въ дальнѣйшемъ развитіи, въ противоположность первой недвижимой собственности, выдвигается движимая собственность, движимый капиталъ, и вмѣстѣ съ измѣненіемъ первоначальныхъ отношеній и связанныхъ съ ними воззрѣній — пріобрѣтеніе, связанное съ личной дѣятельностью, получаетъ рѣшительное преимущество передъ прежнимъ земельнымъ владѣніемъ. Первоначальное чувство принадлежности къ племени и къ семьѣ уступаетъ мѣсто оцѣнкѣ, обращенной болѣе на личныя свойства индивидуума, хотя такая оцѣнка легко, правда, можетъ стать эгоистической. Рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ та великая соціальная точка зрѣнія, что производство и владѣніе только тогда получаютъ свою этическую цѣнность, когда начинаютъ служить общимъ нравственнымъ цѣлямъ, которыя, въ свою очередь, опять можно себѣ представлять весьма различно. Вся широкая область современной техники, преодолѣніе естественныхъ препятствій для процвѣтанія культуры, усовершенствованіе путей сообщенія, изобрѣтеніе орудій, освобожденіе человѣка отъ чисто физическаго труда и т. д. — все это относится къ почти необозримой — и уже по одному этому не подлежащей здѣсь нашему разсмотрѣнію — картинѣ естественныхъ и культурныхъ условій нравственнаго развитія, которое, въ конечномъ счетѣ, неразрывно связано съ владѣніемъ и собственностью.

§ 23. b) Организація.

(Родъ, сословія, семья, общество, государство.)

Даже первобытный — на видъ безструктурный, хаотически смѣшанный — родовой союзъ, изъ котораго, подобно

одинокому столбу, выдѣляется глава, показываетъ намъ извѣстные задатки соціальной дифференціаціи, выражающейся уже въ различіи возрастовъ. Эти „старшіе“ уже тѣмъ отдѣляются отъ остальныхъ сочленовъ, что они живутъ въ особыхъ общихъ помѣщеніяхъ. Собственно аристократія, какъ привилегированный классъ, создавалась одновременно съ институтомъ предводительства благодаря личной отвагѣ и другимъ заслугамъ, впослѣдствіи же становилась наслѣдственной; но эта организація становится рѣзче и строже лишь тогда, когда аристократическая организація устанавливается въ полномъ своемъ объемѣ. Здѣсь мы видимъ разнообразнѣйшіе слои — аристократическія касты съ широкими привилегіями, массы свободнаго народа и, наконецъ, еще болѣе обширный классъ рабовъ и несвободныхъ. Причины этого — не говоря уже о мѣстныхъ условіяхъ — суть: война, покореніе, опредѣленныя званія, касты, занятіе которыхъ переходитъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эти классы нерѣдко отдѣляются другъ отъ друга непреступаемыми гранями, имѣющими рѣшающее значеніе при заключеніи брака. Наконецъ, весьма важнымъ является сословіе жрецовъ, порою вполнѣ равныхъ по достоинству королю и вождю. Только съ распаденіемъ этой аристократической организаціи, — „феодализма“, какъ мы привыкли называть ее, заимствуя выраженіе изъ среднихъ вѣковъ, — эти сословныя различія утрачиваютъ, по крайней мѣрѣ, свою первоначальную остроту; тѣмъ не менѣе въ монархическихъ государствахъ, вплоть даже до нашего времени, сохраняются кой-какія наслѣдственныя преимущества аристократіи.

Чтобы представить себѣ правильную картину прежняго значенія рода какъ въ соціальномъ, такъ и въ этическомъ отношеніи, необходимо вернуться къ разсмотрѣнію первоначальной клѣтки всякой организаціи — къ первобыт-

ному родовому союзу, о которомъ мы при случаѣ уже говорили.

Основу его образуетъ кровное родство, при томъ со стороны матери, и этимъ объясняется то высокое почитаніе, которое бо̀льшей частью выпадаетъ на долю родоначальницы, какъ центра всего этого союза. Въ родовой общинѣ нѣтъ еще мѣста индивидуальному преступленію и индивидуальнымъ обязанностямъ въ современномъ смыслѣ слова, какъ нѣтъ мѣста и индивидуальной собственности и индивидуальному браку; единственнымъ правовымъ субъектомъ, имѣющимъ права́ и обязанности, является родъ. Слѣдовательно, все, направленное противъ отдѣльныхъ членовъ рода, разсматривается и преслѣдуется, какъ выраженіе враждебныхъ чувствъ противъ всего союза; это ясно обнаруживается, напр., въ кровавой мести, когда всѣ члены организаціи солидарно отвѣтственны другъ за друга. Поэтому совершенно безразлично, убивается ли именно нарушитель мира или какой-нибудь другой членъ; всегда важна лишь общая справедливость. Точно также не имѣетъ никакого значенія личная вина или намѣреніе; всякое случайное поврежденіе наказывается наравнѣ съ планомѣрно совершеннымъ. Во главѣ всего родового союза стоитъ предводитель, занимающій свое положеніе больше на основаніи выдающихся способностей, нежели неприкосновенныхъ правовыхъ нормъ; онъ же лично отвѣтственъ за всю организацію въ силу коммунистической основы ея строя. Именно въ родовомъ бытѣ можемъ мы впервые постигнуть и характерныя основныя черты родства и брака, которымъ мы посвятимъ еще нѣсколько словъ.

Если отношеніе ребенка къ матери дѣйствительно является наиболѣе простою и естественною, то легко понять, что основанное на этой связи родство, родство по матери, представляетъ собою, по всей вѣроятности, наиболѣе

древнюю форму, предшествовавщую родству по отцовской линіи. Кромѣ того, достойно вниманія, что никогда еще не былъ констатированъ переходъ отъ патріархата къ матріархату, тогда какъ обратная послѣдовательность является правиломъ. Знакомая намъ система родства по родителямъ является, во всякомъ случаѣ, самой недавней. Выводы изъ такого взгляда на родство весьма широки; принадлежность къ роду, имя, санъ, званіе, имущество, а также обязанность кровавой мести, — все это наслѣдуется, согласно этому принципу. Религіозные мотивы также играютъ значительную роль; они ореоломъ культа возвышали престижъ и положеніе матери. Имѣются даже указанія на то, что при матріархатѣ иногда наблюдается необычное вообще с о ц і а л ь н о е преимущество родоначальницы, тогда какъ при патріархатѣ естественно преобладаетъ родоначальникъ и глава дома. Здѣсь, слѣдовательно, строй общины уже не обуславливается болѣе естественнымъ кровнымъ родствомъ, а политическимъ моментомъ господства и власти, расширеніемъ покровительства родоначальника по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Установленіе прочной осѣдлости, связанное съ этимъ измѣненіе образа жизни, дифференціація отдѣльныхъ званій и сословій и мн. др. содѣйствовали этому перевороту и этому нарастанію безгранично произвольнаго въ правовомъ отношеніи господства патріарха надъ всѣми подчиненными ему членами домашняго союза, къ которому понятно, принадлежали не только родныя дѣти, но и всевозможная челядь и рабы, многочисленныя жены и наложницы и многія дѣти чужого происхожденія, находящіяся подъ его покровительствомъ. Прекраснымъ свидѣтельствомъ этого является образъ древнеримской семьи или библейскаго патріарха; и здѣсь можно подмѣтить упомянутый выше религіозный отпечатокъ, почитаніе главы дома,

какъ родоначальника. Кромѣ этого естественнаго происхожденія существуютъ еще различнаго рода искусственныя формы родства — путемъ усыновленія, побратимства, молочнаго родства и т. п. Наконецъ, мы должны еще замѣтить, что въ мірѣ вообще, съ чисто формальной точки зрѣнія, существуютъ два различныхъ принципа, по которымъ опредѣляется родство, именно принципъ описательный, для котораго опредѣляющимъ является отношеніе отдѣльныхъ поколѣній къ общему родоначальнику, и принципъ классификаціонный, распредѣляющій различные индивидуумы на опредѣленныя ступени родства, безъ болѣе точнаго различенія родства близкаго или отдаленнаго, такъ что между принадлежащими къ одной и той же ступени братьями и двоюродными братьями не дѣлается никакого различія. Эта послѣдняя система, — въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранившаяся на Гавайскихъ островахъ, — противорѣчащая нашему чувству, указываетъ на своеобразные групповые браки и имѣетъ право на пріоритетъ передъ другими формами, намъ болѣе знакомыми и господствующими во всей области арійскихъ, семитическихъ, монголо-татарскихъ и восточно-азіатскихъ народностей.

Если больше и не признается установленная Бахофеномъ гипотеза о неограниченной общности женъ, какъ опредѣленно существующемъ правѣ, то, съ другой стороны, нельзя и отрицать, что бракъ первобытнаго времени былъ весьма непроченъ. Мы имѣемъ различныя согласующіяся между собой указанія, частью рудиментарнаго характера, на существованіе такихъ шаткихъ брачныхъ союзовъ, притомъ у совершенно чуждыхъ по племени народовъ. Сюда въ особенности относятся такъ назв. групповые браки, въ которыхъ индивидуальное отношеніе совершенно отступаетъ назадъ и вмѣсто этого проступаетъ мысль о совершенно безграничномъ общеніи женщины съ любымъ числомъ

ıужчинъ; все это связано съ родовыми союзами, тотемомъ племеннымъ дѣленіемъ. Разумѣется, весьма легко отдѣаться отъ всѣхъ этихъ этническихъ явленій презрительными ловами: заблужденіе, вырожденіе, разложеніе и т. д. Какъ есьма все-таки рѣдкое исключеніе можно отмѣтить такъ назв. раки на пробу и на время, встрѣчающіеся въ Аравіи и Африкѣ.

Поліандрія также не можетъ претендовать на ʼниверсальность (ея нѣтъ, напр., въ Африкѣ); ея классическая очва это Тибетъ. То же самое относится къ левирату, вляющемуся, правда, гораздо болѣе распространеннымъ, ѣмъ думали раньше, и къ индійской нійогѣ, т. е. брачой связи бездѣтной жены еще при жизни мужа съ его ратомъ или ближайшимъ родственникомъ. Напротивъ, олигамію мы находимъ вездѣ, при томъ какъ у некульурныхъ, такъ и культурныхъ народовъ. Въ правовомъ тношеніи число женъ не ограничено, только матеріальная абота о нихъ служитъ извѣстнымъ препятствіемъ, такъ что олигамія въ широкомъ объемѣ является роскошью для збранныхъ. Главная жена пользуется по большей части, ѣкоторыми преимуществами; такъ, напр., только ея дѣти бладаютъ правомъ наслѣдства; часто вся семья распааетъся на различные домашніе очаги, которыми распоряɩается pater familias, по римскому выраженію; послѣдняго еобходимо отличать отъ родного отца дѣтей.

Наконецъ, обязательная моногамія всегда является езультатомъ высоко-развитой культуры (фактически на страннымь образомъ встрѣчается у весьма первобытнаго лемени отомаковъ въ Колумбіи); при чемъ можно наблюдать и нѣкоторыя промежуточныя ступени; въ этомъ роцессѣ играютъ роль и религіозные мотивы; такъ, ристіанская Церковь становится впослѣдствіи одною изъ лавныхъ опоръ моногамическаго брака. Наконецъ, для азвитія патріархата имѣетъ значеніе бракъ, основанный на

похищеніи, куплѣ, выслугѣ; эти формы сохранились въ своеобразныхъ символахъ вплоть до временъ болѣе высокой цивилизаціи. На мѣсто первоначальнаго насилія и похищенія выступили потомъ, — вмѣстѣ съ возникновеніемъ мирныхъ отношеній, въ особенности jus conubii et commercii — сдѣлка и выкупъ, при которыхъ развѣ лишь инсценированное состязаніе напоминаетъ еще о прежней кровавой дѣйствительности. Впрочемъ, этотъ способъ пріобрѣтенія жены обуславливаетъ также и личное притязаніе мужа на свою добычу (римляне имѣли для этого характерное выраженіе peculium castrense), на которую другіе члены племени уже не имѣютъ никакого права. Что же касается продолжительности времени того служенія, которымъ мужчина добывалъ себѣ свою будущую жену, то оно продолжалось обыкновенно четыре года или пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ мужъ совершенно переселялся въ домъ жены.

Согласно нашимъ воззрѣніямъ понятіе семьи обнимаетъ только союзъ родителей и дѣтей; но первоначально, когда здѣсь еще господствовалъ соціально-политическій моментъ, въ это понятіе входилъ весь домашній союзъ, въ высшей степени разнородный по составу. Прежде всего подъ этимъ нужно понимать цѣлый рядъ поколѣній, находящихся подъ отвѣтственною защитою почти неограниченно властвующаго патріархальнаго главы; поэтому всякое непосредственное кровное родство отступаетъ на задній планъ. Сюда относятся затѣмъ челядь, крѣпостные, рабы, — мѣняющійся составъ, набирающійся путемъ войнъ, междоусобій, задолженности, а порою и путемъ добровольнаго отказа отъ свободы, вѣчно находящейся въ опасности. Иногда, при рѣзко выраженныхъ расовыхъ различіяхъ, цѣлый народъ или цѣлое племя, даже послѣ покоренія страны, обращается въ рабство, во всякомъ

случаѣ становится политически безправнымъ, всѣ унизительныя, въ извѣстномъ смыслѣ позорныя работы возлагаются на этихъ подчиненныхъ. Впрочемъ, положеніе этого порабощеннаго класса необыкновенно измѣнчиво: то онъ пользуется благоволеніемъ господина, то стонетъ подъ невыносимымъ игомъ, которое онъ отъ времени до времени стремится стряхнуть съ себя. Чаще всего наблюдается извѣстное смягченіе участи домашнихъ рабовъ при личныхъ сношеніяхъ съ повелителемъ, тогда какъ рабовъ, обрабатывающихъ поля или занятыхъ эксплоатаціей рудниковъ, держатъ значительно строже.

Особую организацію представляютъ собою уже раньше бѣгло упомянутые тайные союзы, которые при отсутствіи сильнаго правительства и исполнительной власти поддерживаютъ публичный порядокъ подъ ореоломъ таинственнаго религіознаго церемоніала. Возникаютъ пользующіеся извѣстными привилегіями ордены, посвященіе въ тайны которыхъ достигается лишь путемъ испытаній и пытокъ, подходящимъ случаемъ для чего является освященіе совершеннолѣтія. Конечно, и здѣсь существуютъ различныя соціальныя ступени, начиная отъ главы союза, надѣленнаго широкими полномочіями, до послушника. Цѣли такихъ союзовъ различны: съ одной стороны, чисто меркантильныя выгоды (взысканіе долговъ, заключеніе сдѣлокъ и посредничество въ нихъ и т. п.), съ другой стороны — приведеніе въ исполненіе смертной казни, или охрана женщинъ и рабовъ, наконецъ, мистическія упражненія, изгнаніе злыхъ духовъ, вредныхъ общественному благополучію, портящихъ посѣвы и т. д.: — но во всѣхъ случаяхъ эти союзы освящены магическими лучами религіи, и лишь поэтому они получаютъ въ глазахъ обыкновенныхъ людей свое широкое соціально-политическое значеніе. Эта мистика играетъ также важную роль въ отношеніяхъ между послуш-

никомъ и его покровителемъ. Здѣсь тѣсно сроднились религія и право, а употребленіе масокъ при торжественныхъ процессіяхъ, равно какъ и другія сценическія представленія полагаютъ начало возникновенію искусства.

Государство въ нашемъ смыслѣ является сравнительно болѣе позднимъ продуктомъ, хотя, какъ мы въ этомъ уже убѣдились, кое-какіе соціальные союзы мы находимъ вездѣ. Чѣмъ ниже мы спускаемся по ступенямъ соціальной лѣстницы, тѣмъ у́же и тѣснѣе становится соціальный организмъ; наконецъ онъ ограничивается маленькими, по возможности строго замкнутыми ордами, которыя, какъ примитивные родовые союзы, представляютъ собою какъ бы расширенную семью. Сюда присоединяются еще какъ отягчающій моментъ, неблагопріятныя климатическія и, въ особенности, экономическія отношенія, идущія рука объ руку съ полнѣйшимъ неумѣніемъ цѣлесообразно примѣнять человѣческій трудъ и технику. Поэтому внѣшняя жизнь первобытныхъ народовъ отличается постоянной смѣной безразсудной расточительности и невоздержности съ горькой нуждой; отсутствуетъ всякое постоянство и разумная предусмотрительность. Если на высшихъ ступеняхъ культуры появляются болѣе крупные государственные союзы, то связь этихъ государствъ можетъ существовать только короткое время, такъ какъ, — въ особенности, когда государства эти обширны, — поддерживается, по большей части, путемъ чисто внѣшняго механическаго давленія, обыкновенно, благодаря сильной рукѣ властителя; затѣмъ этотъ комплексъ самъ собой распадается на свои составныя части, такъ какъ отсутствуетъ болѣе или менѣе достаточная ассимиляція различныхъ слоевъ населенія и обуславленная этимъ соціальная дифференціація. Характерна для этой непрочности отношеній также хроническая неопредѣленность границъ государства, соста-

іеннаго изъ слабыхъ конгломератовъ, особенно, если ы имѣемъ дѣло съ воинственнымъ номадизмомъ, развивающимся только объ искусственныя препятствія итайскія стѣны, турецкіе и казацкіе валы), или о естевенныя границы. Но особенно роковымъ образомъ эйствуетъ почти неискоренимое влеченіе къ приключеніъ, распрямъ, добычѣ, — влеченіе, сплошь воодушевлящее маленькія кочующія племена и надолго убивающее нихъ охоту ко всякой мирной дѣятельности. Уничтоженіе истребленіе вражескаго племени — это постоянная цѣль тиннаго человѣка природы. Наконецъ, въ противоположость однимъ лишь завоеваніямъ, мы должны указать и цѣнное расширеніе государства путемъ мирной колониціи и эмиграціи, хотя метрополія только на время въ стояніи удерживать колоніи въ желательной зависимости.

Если обычай непосредственно пораждаетъ нравственость, то и отдѣльные соціальные нормы и институты олжны служить для этого процесса опредѣляющимъ акторомъ. Во времена материнскаго права отношеніе ца къ своему родному ребенку, съ которымъ его не язывали никакія нравственныя и моральныя узы, было леко не такимъ тѣснымъ, какъ у насъ. При шаткости ношеній и воззрѣній, существующихъ у большинства ервобытныхъ народовъ на поведеніе женщины до брака, олодымъ дѣвушкамъ дозволялась такая сексуальная свобода, оторая является для нашего чувства непристойной и пресудительной; только бракъ, посредствомъ котораго жена тупаетъ въ особое отношеніе къ супругу, устанавливаетъ ѣсь рѣзкую преграду, переступать которую дозволено лько при полномъ согласіи мужа. Съ другой стороны, которые признаки указываютъ на то, что на болѣе нних ступеняхъ развитія женщина занимала болѣе выкое положеніе и выше цѣнилась; при этомъ мы вовсе

не должны думать, какъ того хотѣлъ, напр., Бахофенъ, о ясно выраженномъ господствѣ женщинъ, о гинекократіи Во всякомъ случаѣ, недостатокъ добрачной невинности является фактомъ сильной нравственной распущенности и грубыхъ половыхъ извращеній у первобытныхъ народовъ даже до ихъ рокового соприкосновенія съ цивилизаціей фактомъ, настолько удостовѣреннымъ разнообразнѣйшими свидѣтельствами, что въ этомъ сомнѣваться невозможно Необходимо и въ этомъ отношеніи придерживаться относительности этическихъ сужденій и признавать сравнительно весьма медленное развитіе высшихъ нормъ, не теряющихъ своего значенія, несмотря на все фактическое ихъ несоблюденіе и на случайныя реакціи. Поистинѣ не случайность то обстоятельство, что изслѣдователи подчеркиваютъ поразительное отсутствіе ясно выраженныхъ этическихъ представленій въ миѳологіи и религіи первобытныхъ народовъ, и указываютъ на такой же недостатокъ нравственнаго наставленія и указанія въ воспитаніи и соціальной жизни; опредѣляющимъ всюду является данный типъ организаціи. Отсюда часто наблюдаемый у первобытныхъ народовъ фактъ двоякаго толкованія и двоякой оцѣнки одного и того же поступка: убійство чужого, т. е. врага достойно славы, даже если оно было совершено вполнѣ коварнымъ путемъ; убійство соплеменника, напротивъ считалось достойнымъ проклятія злодѣяніемъ, ибо этимъ потрясается прочность и связь союза. Эта строго этническая точка зрѣнія, — по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, — продолжаетъ играть руководящую роль даже въ большихъ религіозныхъ общинахъ; въ этомъ насъ увѣряютъ, напр., знатоки мусульманскихъ народовъ, изучавшіе ихъ отношенія другъ къ другу и къ чужимъ народностямъ Мы едва въ состояніи понять почему, напр., для египтянина худшимъ преступленіемъ являлось убійство ибиса, почему

индусу изъ касты судра, указавшему брамину на его обязанности, заливали уши и ротъ растопленнымъ масломъ, или почему кровавая месть разсматривалась нѣкогда, какъ серьезный религіозный долгъ, къ выполненію котораго даже женщины со всею настойчивостью побуждали пассивныхъ мужчинъ, — между тѣмъ все это были строго соблюдавшіяся соціально-этическія заповѣди. Надъ этой узкою сферою родовыхъ обычаевъ и соціальной организаціи возвышаются лишь слабые задатки высшей гуманности, извѣстные мотивы непосредственной общечеловѣчности, что проявляется, напр., въ благоговѣніи, чувствѣ симпатическаго характера, въ материнской любви, хотя и здѣсь встрѣчаются ужасныя исключенія. Но всегда недостаетъ именно правильнаго развитія и планомѣрнаго воспитанія; отсюда рѣзкія противорѣчія широкаго добродушія со звѣрской грубостью и жестокостью, извѣстной мягкости чувствъ съ невѣроятной суровостью и кровожадностью, не щадящей даже родныхъ, нѣжно любимыхъ дѣтей. Въ довершеніе этой безотрадной картины присоединяются еще вѣчные распри, набѣги и войны, которые съ увеличивающимся обезцѣненіемъ человѣческой жизни все болѣе усиливаютъ ненадежность положенія. Въ общемъ мы приходимъ къ убѣжденію, что обычай и нравственность въ высшемъ смыслѣ представляютъ собою медленно созрѣвающіе продукты развитія, которые необходимо измѣрять не абсолютнымъ, а относительнымъ масштабомъ; всякое высокомѣрное порицаніе препятствуетъ внутреннему психологическому пониманію. Точно также несостоятеленъ методъ, устанавливающій въ самомъ началѣ развитія извѣстные абстрактные идеалы, — односторонне спекулятивное толкованіе никогда не можетъ объяснить фактовъ, не укладывающихся въ какой-либо отвлеченный догматъ. Конечно это требованіе относительной оцѣнки

дѣйствительно еще и для насъ, хотя мы и поднялись от узкаго этническаго круга до общеобязательныхъ идеаловъ Но несмотря на это, многое въ нашей современно культурной жизни необходимо разсматривать, въ лучшемъ случаѣ, какъ переходныя ступени къ высшимъ формамъ, мы,при всей нашей доброй волѣ, все-таки весьма еще отдален отъ полной гармоніи индивидуальныхъ и общихъ интересовъ и тѣмъ самымъ отъ осуществленія высшаго типа человѣка

Подвергнувъ сравнительному, отчасти этнографическо му разсмотрѣнію различныя формы ассоціацій и кратк обсудивъ вытекающія отсюда слѣдствія для развитія морали обратимся теперь къ критической задачѣ, именно, разберемъ отношеніе права и нравственности и, особенно, значені государства для современной культуры, — поскольку эт допускаютъ ограниченные размѣры этой книжки. Прежд всего мы констатируемъ, что для всей области права важн понятіе развитія, относящееся какъ къ духовному такъ и физическому міру. Собственность и владѣні семья и общество находятся въ очевидной непосредственно связи съ данной организаціей. Неопровержимымъ доказа тельствомъ этого является уже развитіе частной собствен ности изъ первоначальнаго коммунизма, или фактъ совре меннаго индивидуальнаго субъекта права въ противополож ность прежней соціальной связности; но представленіе духовной собственности цѣликомъ относится къ новѣйшем времени. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ воззрѣній вырабатывалас роковая независимость индивидуума, крайне эгоистическо состязаніе изъ-за возможно лучшихъ условій существованія приводящее, въ концѣ концовъ, опять къ капиталистиче скому коллективизму (копіи прежняго территоріальнаг коммунизма). Въ этомъ отношеніи неоспоримой обязан ностью современнаго государства является установлені равновѣсія различныхъ хозяйственныхъ интересовъ и притя

›аній, чтобы своевременно, путемъ соотвѣтствующихъ предо-
:ранительныхъ мѣръ, предотвратить грозящій соціальный
:ризисъ (даже въ странѣ неограниченныхъ возможностей
юстепенно проявляется потребность энергично противодѣй-
твовать гигантскимъ трестамъ, подавляющимъ всякую
:онкуренцію). Подобно тому какъ государство можетъ
›бъявить себя собственникомъ земли, точно такъ же оно
:правѣ принимать на себя эксплоатацію средствъ сообще-
:ія и отдѣльныхъ отраслей производства, особенно такихъ,
оторыя опасны и вредны для здоровья. Такимъ, раз-
'мѣется, постепенно подготовленнымъ отчужденіемъ руд-
иковъ, угольныхъ копей, нефтяныхъ источниковъ, динамит-
ыхъ заводовъ и т. д , была бы воздвигнута могучая преграда
остовщической эксплоатаціи свободной человѣческой ра-
очей силы и — въ не меньшей степени — эксплоатаціи
равственныхъ силъ. То же самое относится и къ эксплоа-
аціи техническихъ изобрѣтеній и соціальныхъ институтовъ.
)бязанность государства охранять въ полной мѣрѣ
озяйственные интересы своихъ гражданъ и, въ осо-
енности, защищать въ этой борьбѣ слабѣйшихъ, дабы они
е сдѣлались просто жертвой всемогущаго капитализма, —
е вызываетъ никакихъ сомнѣній. Это имѣетъ тѣмъ большее
начение, что съ матеріальными интересами всюду сплета-
›тся этическіе моменты; всякое колебаніе существующаго
оціальнаго фундамента, всякое глубокое измѣненіе произ-
одственныхъ отношеній — неизбѣжно влечетъ за собой
ѣшительныя этическія слѣдствія; этому учитъ насъ какъ
сторія нашей индустріи, такъ и взглядъ на первобытные
ароды, гдѣ каждый разъ при пагубномъ соприкосновеніи
ь высшей культурой всегда происходитъ печальное
отрясеніе прежнихъ основъ общественной жизни и произ-
одственныхъ отношеній. Только государство, стоящее
ыше отдѣльныхъ партій и интересовъ, обладаетъ необхо-

чимымъ безпристрастіемъ и трезвой предусмотрительностью и здѣсь, какъ само собой ясно, нравственная точка зрѣнія является опредѣляющей. Изъ подобныхъ же соображеній исходитъ представленіе, разсматривающее государство, какъ носителя правопорядка. Подобно тому какъ государство заключаетъ договоры и основываетъ предпріятія, точно такъ же оно является посредникомъ во взаимно противоположныхъ требованіяхъ отдѣльныхъ людей, постановляя рѣшенія, обладающія правовой силой; оно воплощаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, высшій идеалъ справедливости, возможный и проводимый, опять-таки, только въ этой сферѣ неэгоистическаго пониманія. Это имѣетъ значеніе прежде всего, съ отрицательной стороны, при защитѣ гражданъ отъ злодѣйскаго посягательства на жизнь и имущество; это право наказанія находитъ свое соотвѣтственное развитіе въ конституціи и управленіи, имѣющихъ своей цѣлью всесторонее систематическое устройство соціальнаго организма. Естественно что программа правительства допускаетъ безконечныя развѣтвленія и, въ частностяхъ, весьма значительныя отклоненія; во главѣ правительства стоитъ верховное лицо, далекое отъ партійныхъ треволненій, и поэтому вдвойнѣ священное. Но при всѣхъ политическихъ различіяхъ цѣлью государства, какъ конкретнаго выраженія единаго соціальнаго организма, должно быть содѣйствіе всѣми способами общественному прогрессу и въ особенности, отраженіе при помощи своей исполнительной власти — всякаго покушенія на общественное благополучіе. Этимъ государство выполняетъ послѣднюю и важнѣйшую часть своей обширной задачи именно свою культурную миссію.

Понятно само собою, что — при безконечномъ различіи индивидуальныхъ способностей и образованія — нельзя всѣхъ людей поставить въ одни и тѣ же условія внутри этого громаднаго организма; заботиться о подраздѣленіи

отдѣльныхъ личностей сообразно со степенью ихъ индивидуальнаго развитія — это тоже задача государственнаго надзора, довѣряющаго, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, важнѣйшія должности и функціи только лучшимъ и способнѣйшимъ лицамъ. Организація общества, объединеніе всѣхъ живыхъ силъ на служеніе нравственнымъ идеямъ планомѣрное развитіе чувства, направленнаго на общую пользу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, забота объ истинномъ національномъ, укрѣпляющемъ умъ и сердце образованіи, — все это дѣло государства, хотя частныя лица и могутъ, конечно, приходить ему на помощь. И здѣсь матеріальное благополучіе опять соединяется съ идеальными моментами; подобно тому какъ государство стремится къ тому, чтобы путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій поднять общественное положеніе низшихъ классовъ, точно такъ же оно заботится и о всеобщемъ просвѣщеніи и народномъ образованіи. Справедливо указывали именно на это, какъ на важнѣйшую культурную проблему, почему завѣдываніе обученіемъ всюду находится въ рукахъ государства. Забота о духовныхъ интересахъ должно, конечно, соотвѣтствовать духовной атмосферѣ отдѣльнаго человѣка; именно въ этомъ отношеніи необходимъ планомѣрный, безпрерывный переходъ отъ отдѣльныхъ ступеней, иначе могутъ быть вызваны тяжелые кризисы. Не менѣе опаснымъ является односторонне-интеллектуальное образованіе, оставляющее безъ вниманія болѣе важныя нравственныя основы и развитіе чувствъ. Естественныя требованія здоровой жизни, установленныя біологіей и гигіеной, настойчиво ждутъ своего осуществленія, иначе можетъ быть разрушена вся искусная постройка. Этимъ, разумѣется, задача государства въ настоящее время несравненно болѣе обширна и трудна, чѣмъ въ прежнія времена, когда коллизіи индивидуальныхъ притязаній съ

общими соціальными цѣлями и идеалами едва ли имѣли мѣсто или же, по крайней мѣрѣ, случались несравненно рѣже; но какъ бы объ этомъ ни думать въ частностяхъ, во всякомъ случаѣ всѣ историческія ученія подтверждаютъ, что государство всѣми силами должно принимать участіе въ рѣшеніи важныхъ культурныхъ проблемъ, если оно не хочетъ вредить самому себѣ. Академическая теорія laisser aller для дѣйствительной соціально-политической жизни далеко недостаточна.

§ 24. c) Личность.

(Индивидуумъ и среда.)

Проблема отношенія между индивидуумомъ и обществомъ имѣетъ для всей соціологіи столь выдающееся значеніе, что мы вынуждены подробнѣе обосновать уже раньше (ср. отдѣлъ IV, введеніе) вкратцѣ нами отмѣченное воззрѣніе. Чтобы вообще получить правильную исходную точку, надо прежде всего установить ту великую истину, открытую сравнительнымъ естествовѣдѣніемъ, что индивидуумъ представляетъ сокращенную исторію рода. Какъ языковѣдъ изъ структуры человѣческаго языка въ состояніи вывести исторію человѣческаго разума, и какъ изслѣдователь права изъ правовыхъ воззрѣній индивидуума и изъ отдѣльныхъ соціальныхъ институтовъ въ состояніи распознать общее развитіе правовыхъ нормъ, — точно такъ же отдѣльная личность всѣми своими мыслями и стремленіями служитъ для соціолога олицетвореніемъ ступеней соціальнаго развитія и формъ организаціи. Поэтому подобная сокращенная исторія рода, получившая широкое значеніе

прежде всего для анатоміи, выражается наиболѣе многосторонне и поучительно у культурнаго человѣка, прошедшаго и какъ бы накопившаго въ себѣ цѣлый, почти необозримый рядъ фазисовъ духовнаго развитія. Такимъ образомъ, индивидуумъ стоитъ у порога развитія и не есть, какъ утверждали, результатъ сложной дифференціаціи. Соціологія должна и въ другомъ отношеніи оберегать право и значеніе индивидуума и индивидуализма; сколь бы глубокимъ ни было вліяніе среды на личное развитіе, какъ бы сильно ни вліяла соціально-психическая среда на индивидуальныя моральныя представленія и сужденія, — извѣстныя апріорныя функціи и предрасположенія, по меньшей мѣрѣ, необходимы для того, чтобы вообще понять психологически весь этотъ процессъ. Никакое только внѣшнее давленіе и принужденіе не могутъ породить это существенно важное для всего процесса чисто формальное чувство, заключающееся въ умѣніи отличать, смотря по положенію, т. е. смотря по соотвѣтствующему культурно-историческому уровню, право отъ безправія. Никакой даже самый тонко расчлененный механизмъ не можетъ объяснить сознаніе долга, должное, и мы поэтому, вмѣстѣ съ большинствомъ положительныхъ мыслителей, признаемъ личный факторъ, своеобразіе индивидуальности. Практическій опытъ всегда представляетъ собою лишь одну сторону этого взаимодѣйствія, происходящаго при всякомъ духовномъ развитіи, именно, цѣлый рядъ внѣшнихъ условій и раздраженій, такъ же неизбѣжно необходимыхъ для психической жизни въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ и для всѣхъ біологическихъ явленій вообще. Съ другой стороны, въ этомъ одностороннемъ подчеркиваніи индивидуализма не слѣдуетъ обезцѣнивать значеніе среды, окружающихъ условій, какъ то часто дѣлаютъ идеалистическая философія исторіи и этика. Предпосылка этой теоріи — мнимая самочинность нашего „я", его изолированіе отъ общества—

лишь фикція, чистая иллюзія, которой въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ. Скорѣе наоборотъ — чѣмъ ниже спускаемся мы по ступенямъ соціальной лѣстницы, тѣмъ больше замѣчаемъ господство надъ человѣкомъ соціальныхъ интересовъ и теченій, къ которымъ онъ долженъ приспособляться. Каждый человѣкъ съ самаго начала — отдѣльное существо съ вполнѣ опредѣленными своеобразными влеченіями и наклонностями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ — органическій членъ общества, безъ развитія котораго онъ неминуемо погибаетъ, о чемъ въ достаточной степени свидѣтельствуютъ нѣкоторые печальные примѣры. Всякое культурное общеніе, т. е. солидарность всѣхъ высшихъ интересовъ и идеаловъ, покоится на этомъ соціально-психологическомъ фактѣ и опытѣ, который не можетъ быть опровергнутъ никакими спекуляціями. Наоборотъ, желательной цѣлью человѣческаго развитія является постоянное и сознательное возвышеніе изъ первоначальнаго состоянія соціальной индифферентности — правда, не исключающей, но, скорѣе обуславливающей соціальную связанность индивидуума, — чтобы впредь, въ непосредственномъ взаимодѣйствіи со средой, плодотворно работать на пользу дальнѣйшаго устроенія жизни. Только съ этой точки зрѣнія становится вообще понятнымъ выдающееся значеніе такъ назв. руководящихъ умовъ, или идея нравственнаго прогресса вообще. Всѣ соціальныя подраздѣленія и ступени, какъ семья, община, Церковь, отечество, союзы и т. д., только тогда доступны воздѣйствію энергичныхъ и одаренныхъ личностей, когда послѣднія живутъ въ одинаковой съ первыми духовной атмосферѣ, когда великіе люди сознали руководящія идеи своего времени со всѣми ихъ конечными выводами и сдѣлали ихъ основою своей государственной и соціальной дѣятельности. Гдѣ этой внутренней связи нѣтъ, гдѣ отсутствуетъ эта духовная почва, тамъ

даже наиболѣе сильная и активная воля истощается въ безсильныхъ и безплодныхъ попыткахъ преобразовать существующее положеніе вещей. Конечно, вмѣстѣ съ расширеніемъ области возрастаютъ и трудности такого умственнаго господства; въ маленькомъ родовомъ союзѣ легко побѣждается всякое противодѣйствіе; въ жизни же народа или когда имѣется въ виду все человѣчество въ цѣломъ, мы должны всегда, даже въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, считаться съ необходимостью примиренія различныхъ, отчасти противоположныхъ теченій. Тѣмъ не менѣе неправильно было бы утверждать, что съ возрастающимъ умственнымъ образованіемъ соотвѣтственно падаетъ значеніе индивидуальнаго момента. Если даже постепенно и появляется извѣстный одинаковый лоскъ внѣшней цивилизаціи, характерный какъ для цѣлыхъ народовъ, такъ и для отдѣльныхъ слоевъ, то геній со стихійною мощью и силой преодолѣваетъ этотъ шаблонъ и, по крайней мѣрѣ на видъ, въ противовѣсъ традиціямъ создаетъ новые идеалы и права. Поэтому геній гигантскими шагами забѣгаетъ впередъ и нерѣдко теряетъ непосредственную связь со своимъ поколѣніемъ. Здѣсь такимъ образомъ, проявляется великое значеніе генія, высокоподнимающагося надъ даннымъ культурно-историческимъ уровнемъ, хотя болѣе точная психологія открыла бы и тутъ соціальную зависимость (на что справедливо обращаетъ вниманіе, напр., Эмерсонъ). Геній интуитивно, вѣрнымъ взоромъ распознаетъ тотъ важный пунктъ, откуда должно исходить дальнѣйшее развитіе и преобразованіе традицій во всѣхъ областяхъ, гдѣ соціальный организмъ пришелъ въ упадокъ и гдѣ онъ поэтому нуждается въ обогащеніи новыми идеями. Такимъ образомъ, геній, при всей своей исключительности и несоблюденіи традицій, въ извѣстномъ смыслѣ олицетворяетъ собою духъ высшей исторической преемственной послѣ-

довательности, къ которой стремится всякое истинно благотворное развитіе. Наступающій при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ застой соціально-психическаго процесса устраняется создаваемой геніемъ реформой (но не революціей), руководствующейся болѣе тонкимъ и чуткимъ инстинктомъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы не можемъ согласиться съ широкораспространеннымъ въ новѣйшее время взглядомъ, что индивидуумъ — только пустой фантомъ, лишь переходный моментъ различныхъ сталкивающихся другъ съ другомъ соціальныхъ теченій. Безъ этой опредѣляющейся предпосылки индивидуальнаго своеобразія все духовное развитіе нашей природы — прежде всего воли и чувства — было бы только пустой механической игрой слѣпыхъ атомовъ. Самосознаніе, причинность характера потеряли бы всякое психологическое и этическое значеніе и оказались бы порожденіями фантазіи. Фактъ постояннаго, господствующаго надъ всѣмъ нашимъ существованіемъ, различенія себя отъ окружающей среды и ея предметовъ, никогда не обманывающее насъ самочувствіе, понятіе индивидуальной личности, непосредственное сведеніе всѣхъ психическихъ функцій къ общему непрестанно-дѣйствующему центру, называемому „я", и многое другое — доказываетъ, что отнести все это однимъ радикальнымъ росчеркомъ пера къ области воображенія, было бы непростительнымъ насиліемъ. Все сознаніе сводится къ этому индивидуальному фактору, служащему, вслѣдствіе этого, необходимымъ постулатомъ какъ всего нашего мышленія, такъ, въ особенности, и психологическаго объясненія, — постулатомъ, безъ котораго міръ распался бы, какъ хаосъ несвязанныхъ атомовъ. Правда, это отношеніе индивидуума къ окружающей средѣ не можетъ быть точнѣе опредѣлено; мало того, нужно откровенно признать, что

эта наша специфическая природа, надъ преобразованіемъ которой часто тщетно трудится воспитаніе, остается, въ извѣстномъ смыслѣ, необъяснимой; мы, въ концѣ концовъ, стоимъ передъ чѣмъ-то ирраціональнымъ, никогда не поддающимся нашему учету цѣликомъ. И если мы приступаемъ къ какой-нибудь біографіи съ точки зрѣнія среды, то, несмотря на все значеніе проступающихъ въ ней соціально-психическихъ мотивовъ, все-таки вновь выступаютъ предъ нами — при томъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ основательнѣе наше изслѣдованіе — подобныя необъяснимыя загадки, приводящія насъ къ границѣ безсознательнаго и безконечнаго, вслѣдствіе непостижимости выходящаго за предѣлы всякой научной индукціи. Въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, мы только можемъ установить для точнаго изученія оба полюса методологическаго изслѣдованія: индивидуумъ и среду, не будучи поэтому въ состояніи рѣшить всѣ проблемы, лежащія по ту сторону этой границы. Установленіе связи между этими обѣими конечными точками, примиреніе индивидуализма съ универсализмомъ — является чисто логическимъ требованіемъ нашего мышленія, стремящагося получить единую и свободную отъ противорѣчій картину міра; ибо для всякаго непредвзятаго излѣдованія положенія вещей ясно, что ни односторонній индивидуализмъ, получающій, въ концѣ концовъ, свое завершеніе въ анархизмѣ, ни крайній коллективизмъ, низводящій всякую духовную жизнь къ безсмысленному механизму, — не оправдываются данными опыта и не отвѣчаютъ запросамъ нашего познанія.

Въ заключеніе мы хотѣли бы еще присовокупить, что это разсмотрѣніе, надѣемся, вполнѣ доказало, что соціологія, какъ мы уже подчеркивали во введеніи, не можетъ обойтись безъ болѣе глубокаго психологическаго, и, слѣдовательно, философскаго изслѣдованія. Иначе мы будемъ скользить

по поверхности, не имѣя возможности способствовать вполнѣ удовлетворительному выясненію истинной связи явленій. Политическая экономія, экономическая исторія и исторія развитія сношеній и т. д. являются для соціологіи превосходными, необходимыми вспомогательными средствами. Но они лишь подготавливаютъ отвѣтъ; конечное же рѣшеніе необходимо добыть изъ психологіи и теоріи познанія.

4. Глава. **Мораль.**

§ 25. a) Относительныя и абсолютныя нормы.

Мы уже вполнѣ достаточно отмѣтили различные условія и мотивы, имѣющіе значеніе при выработкѣ нравственныхъ воззрѣній и сужденій; мы, съ другой стороны, охарактеризовали также весьма общее чувство долга, инстинктивное чувство того, что должно быть, въ противоположность какой-либо практической нормѣ. Въ этомъ отношеніи можно говорить объ общечеловѣческой обязанности отдавать активную дань культурнымъ идеаламъ своего времени, чтобы тѣмъ самымъ посильно участвовать во всеобщемъ нравственномъ прогрессѣ человѣчества. Но если незаполняемая пропасть между содержаніемъ и формой нежелательна, если существуетъ болѣе или менѣе послѣдовательное, органическое развитіе, — то уже въ воззрѣніяхъ и соціальныхъ явленіяхъ первобытнаго человѣчества должны наблюдаться несомнѣнные зародыши всего позднѣйшаго культурнаго развитія. Такъ это и есть въ дѣйствительности. Существуютъ извѣстныя общеобязательныя, абсолютнодѣйствительныя нормы, обладающія обязательной силой для всякой ассоціаціи, какъ бы мало и слабо сплоченной она ни была; существуютъ извѣстныя основныя положенія и требованія, которыя, по меньшей мѣрѣ, должны быть признаны, иначе все превращается въ неминуемый хаосъ. И

здѣсь слѣдуетъ исходить не изъ спекулятивныхъ соображеній, а изъ конкретныхъ фактовъ, чтобы всегда находить необходимую опору въ явленіяхъ соціальной жизни. Материнская любовь, — неоспоримая даже несмотря на встрѣчающіяся исключенія и искаженія, — этотъ дѣйствительно естественнѣйшій, непосредственнѣйшій кровный союзъ — даетъ намъ уже указанія, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать столь важной для насъ непрерывной послѣдовательности нравственнаго развитія. Здѣсь получаетъ свое конкретное выраженіе широкая и крайне важная область чувства привязанности. Эта симпатія, взрощенная на естественной почвѣ, развивается потомъ, въ общеніи съ людьми, по различнымъ направленіямъ, въ кругу семьи по отношенію къ роднымъ, по отношенію сородичамъ въ чувствѣ дружбы и т. д.; эти чувства, по достовѣрнымъ источникамъ, отнюдь не чужды первобытнымъ народамъ, какъ это раньше опрометчиво полагали. Почти такимъ же первоначальнымъ и могучимъ является и общечеловѣческое чувство почитанія, имѣющее для соціальной области въ собственномъ смыслѣ не менѣе важное значеніе, чѣмъ для религіозной. Лишь здѣсь получаетъ свое психологическое объясненіе весь культъ предковъ и героевъ, и только отсюда становится понятнымъ, почему это почитаніе стоитъ въ центрѣ всѣхъ примитивныхъ религій. Весь авторитетъ и все подчиненіе велѣніямъ вождя или короля, т. е. вся соціальная связь въ широкомъ смыслѣ получаетъ такимъ путемъ свой настоящій фундаментъ; мы опять видимъ, что политическая организація тѣсно связана съ нравственностью; весь союзъ распался бы, если бы не было этого цемента, одинаково тѣсно связывающаго всѣ части. Эти обѣ группы чувствъ — поскольку мы объ этомъ имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія — разсматриваются, какъ абсолютныя нормы, а ихъ несоблюденіе осуждается и наказывается, какъ нѣчто рѣшительно

анормальное. Понятно, существуютъ извѣстныя границы и различія; привязанность и почитаніе могутъ уменьшиться въ своемъ вліяніи, когда при этомъ существенную роль играютъ матеріальныя выгоды, такъ какъ для идеальнаго содержанія еще не созрѣло пониманіе; этотъ фактъ мы наблюдаемъ, напр., когда у дикарей убиваются старики, такъ какъ они утратили физическую работоспособность. Въ этомъ смыслѣ всѣ отдѣльныя производныя нормы, не являющіяся господствующими аксіомами нравственнаго поведенія, обладаютъ не абсолютною, но лишь относительной обязательностью. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и тотъ фактъ, что различныя нормы, смотря по своему характеру и происхожденію, могутъ очутиться другъ съ другомъ въ такомъ противорѣчіи, изъ котораго порой трудно бываетъ выбраться. Здѣсь передъ нами только относительныя цѣнности, и изъ нихъ всегда получаетъ преимущество болѣе содержательная въ этическомъ отношеніи цѣль. Пытались даже установить ступени: индивидуальная, соціальная, гуманная цѣль; но ясно, что въ концѣ концовъ всѣ идеалы, вытекающіе изъ индивидуальнаго нравственнаго сознанія человѣка, гуманны. Уже на этомъ основаніи мы придерживаемся неоднократно нами подчеркнутаго соціально-этическаго характера морали; только при органическомъ развитіи индивидуума въ его средѣ — въ семьѣ, племени, народѣ, государствѣ и человѣчествѣ — происходитъ естественное и вмѣстѣ съ тѣмъ идеальное проявленіе нашихъ нравственныхъ силъ и влеченій; всякое произвольное обособленіе нездорово, неплодотворно и можетъ быть разсматриваемо лишь, какъ печальное исключеніе. Индивидуальная этика исходитъ изъ недоказанныхъ, воображаемыхъ предпосылокъ, слишкомъ поддается вслѣдствіе этого опаснымъ внушеніямъ умозрительной фантазіи и поэтому никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ даннымъ опыта.

§ 26. b) Оптимизмъ и пессимизмъ.

Еще больше въ наше время спорятъ о проблемѣ „мірового баланса“, если такъ можно выразиться; то хвастливо восхищаются достиженіемъ столь блестящихъ успѣховъ, то въ сердце закрадывается тяжелое сомнѣніе, что весь блескъ и всѣ чары современной цивилизаціи—ничто, что мы не достигли счастья, несмотря на весь тріумфъ техники, и что для мудреца единственнымъ прочнымъ утѣшеніемъ служитъ все-таки аскетизмъ и удаленіе отъ міра. Эти жалобы и увѣренія не новы; они, наоборотъ, такъ же стары, какъ міръ, во всякомъ случаѣ, они съ типической правильностью повторяются во времена тяжелыхъ кризисовъ и психическихъ заболѣваній. На этомъ пути мы можемъ отмѣтить такихъ выдающихся людей, какъ, напр., Эпиктетъ, Руссо, Толстой; безъ труда можно было бы продолжить этотъ списокъ блестящихъ именъ. Мы не можемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе подробностей; мы можемъ имѣть въ виду лишь установку самой проблемы; при этомъ напередъ ясно, что часто примѣняется невѣрный масштабъ. Дѣло вовсе не въ индивидуальномъ благополучіи отдѣльнаго человѣка и не въ одномъ только интеллектуальномъ прогрессѣ. Первый вопросъ лежитъ совершенно по ту сторону индуктивнаго изслѣдованія, уже по одному тому, что здѣсь дѣйствуютъ главнымъ образомъ личный опытъ и личное настроеніе; второй же пунктъ относится не къ психологіи и этикѣ, а въ лучшемъ случаѣ къ исторіи культуры или, можетъ быть, къ исторіи изобрѣтеній и открытій. Помимо этого ясно, что нельзя установить болѣе или менѣе надежной статистики въ этой области несоизмѣримыхъ индивидуальныхъ чувствъ удовольствія и страданія; и если бы мы даже захотѣли отвлечься отъ этой совершенно фантастической предпосылки, то эти хотя бы и зафиксированныя отклоненія въ скалѣ удовольствія настолько отли-

чались бы другъ отъ друга качественно, что и всякая количественная разница утратила бы свое значеніе. Но, въ концѣ концовъ, въ основаніи всего этого міровоззрѣнія лежитъ неправильная мысль, будто вся соціальная жизнь преслѣдуетъ исключительно цѣль содѣйствія индивидуальному благополучію, — заблужденіе, покоящееся главнымъ образомъ, на старинномъ смѣшеніи слѣдствія съ цѣлью. Ибо дѣйствительно, развитіе чувства удовольствія отдѣльнаго человѣка подвержено сильному вліянію всей суммы соціальныхъ условій, вслѣдствіе чего, совершенно игнорируя самостоятельную, объективную цѣнность культуры, разсматриваютъ послѣднюю только какъ средство служенія индивидуальнымъ настроеніемъ. Но если мы хотимъ вообще рѣшить этотъ спорный вопросъ путемъ научнаго разсмотрѣнія, то нужно прежде всего уяснить себѣ, что оптимизмъ и пессимизмъ въ обычномъ смыслѣ представляютъ собою въ сущности картины міра съ окраскою личнаго настроенія, которыя, правда, въ отдѣльныхъ своихъ составныхъ частяхъ основываются на дѣйствительномъ опытѣ, но въ общемъ обнимаютъ собою лишь односторонній и произвольно выхваченный отрѣзокъ міра. Къ этому присоединяется еще то отягчающее обстоятельство, что вообще наше знаніе дѣйствительности, то что, мы горделиво называемъ всемірной исторіей, содержитъ крайніе пробѣлы. Но если мы станемъ на соціально-психическую точку зрѣнія, при условіи строгаго исключенія всѣхъ личныхъ взглядовъ и желаній, и разсмотримъ жизнь народовъ согласно великимъ, широкимъ, объективнымъ принципамъ, — то всякая мелочная индивидуальная оцѣнка и мнимыя точныя свѣдѣнія о преобладаніи добрыхъ или злыхъ дѣяній и цѣлей утрачиваютъ всякое значеніе. Эта статистика, какъ мы видѣли, по самому существу своему невозможна и безпредметна, и непріемлема уже по одному тому, что изслѣдованіе

никогда не можетъ вскрыть мотивы дѣйствія, единственно важные съ точки зрѣнія этики. Если же мы, несмотря на всѣ сомнѣнія, вмѣстѣ съ избраннѣйшими умами всѣхъ націй признаемъ идею историческаго прогресса, то это именно происходитъ на основаніи тѣхъ соображеній, которыя были уже раньше высказаны при установленіи понятія телеологической необходимости (ср. § 21). Это — точка зрѣнія *соціальнаго* оптимизма, не имѣющаго ничего общаго съ личными настроеніями. Несмотря на расщепленіе человѣческаго рода на народы и племена, несмотря на неоспоримые значительные пробѣлы въ развитіи — въ результатѣ нашего разсмотрѣнія получается все-таки связное единство этого процесса; ибо, прежде всего, философски (а и антропологически) человѣчество можно понимать только, какъ нѣчто единое, а затѣмъ — въ предѣлахъ исторіи культуры отдѣльныя поколѣнія перенимаютъ другъ отъ друга духовное наслѣдіе (хотя часто и не безъ сокращеній), чтобы, обогативъ и увеличивъ его, передать будущему. Это воззрѣніе можетъ быть точнѣе обосновано въ двоякомъ направленіи. Прежде всего имѣется въ виду духовный прогрессъ. Что сумма знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ глубина и точность нашего познанія, увеличились, что въ настоящее время въ просвѣщеніи участвуютъ значительно большія массы самаго народа, — съ этимъ въ общемъ нужно согласиться. Но, во-вторыхъ, рука объ руку съ этимъ, происходитъ соотвѣтствующее нравственное облагораживаніе, которое не можетъ быть остановлено аномаліями, внезапнымъ возвратомъ къ варварству и т. п., такъ какъ за такимъ вырожденіемъ всегда рано или поздно слѣдуетъ прогрессъ. Уже этотъ фактъ, что оцѣнка человѣческой жизни со всѣми дальнѣйшими слѣдствіями (предотвращеніе преступныхъ посягательствъ на общественный организмъ, гуманное призрѣніе больныхъ, престарѣлыхъ, нетрудоспособныхъ и

т. д.) безспорно значительно повысилась въ сравненіи съ прошлыми столѣтіями, — этотъ фактъ имѣетъ симптоматическое значеніе и является порукой соотвѣтственнаго дальнѣйшаго нравственнаго развитія. Всю сумму такихъ задачъ и этическихъ цѣлей можно было бы дѣйствительно назвать идеаломъ гуманности человѣчества, идеаломъ, на постепенное и никогда не исчерпывающееся осуществленіе котораго должны работать всѣ времена и поколѣнія, соотвѣтственно своему типу; согласно этому направлялось бы опять-таки, съ соціально-этической точки зрѣнія, наше нравственное разсмотрѣніе историческихъ состояній. Мы вправѣ критически отстаивать это воззрѣніе, выросшее на почвѣ дѣйствительности, а не на высотахъ чуждой міру метафизики, не возобновляя безнадежной попытки разгадать скрытый отъ насъ планъ міра и обосновать какую-либо спекулятивную теодицею. Наоборотъ, мы исходимъ изъ существованія добра и зла въ нашемъ опытѣ и разсматриваемъ борьбу обоихъ принциповъ въ предѣлахъ доступнаго намъ горизонта, при чемъ, изъ происходившаго до сихъ поръ развитія мы выводимъ, на основаніи аналогіи, заключеніе о будущемъ. Всегда и всюду рѣшающей является соціально-психологическая точка зрѣнія; предметомъ проблемы является не индивидуальное счастье, а сохраненіе и дальнѣйшее развитіе культурнаго достоянія человѣчества. Поэтому намъ приходится разсматривать, главнымъ образомъ, такія соціально-психическія объективныя явленія, которыя мы въ религіи, нравственности, правѣ, искусствѣ и государствѣ почитаемъ, какъ высшія блага духовнаго бытія. Конечно, мы признаемъ, что нельзя точно доказать *идею нравственнаго прогресса*, такъ какъ эта проблема выходитъ далеко за предѣлы узкихъ рамокъ нашего критическаго опыта; но именно поэтому эта идея является, съ одной стороны,

безспорнымъ логическимъ постулатомъ, ибо безъ нея все происходящее распалось бы на безсмысленный хаосъ атомовъ или погрузилось бы въ неизвѣстную глубину небытія, какъ въ послѣдовательномъ пессимизмѣ Будды или Эд. Гартмана; съ другой стороны, эта идея является этическимъ постулатомъ, ибо лишь такимъ путемъ можно включить въ объективную систему обширнаго духовнаго процесса это индивидуальное нравственное стремленіе, со всѣми его, въ противномъ случаѣ, непрочными завоеваніями; безъ признанія такого процесса мы вообще не могли бы постичь и уяснить себѣ окружающій насъ міръ.

Эти мысли пріобрѣтаютъ, наконецъ, выдающееся значеніе въ томъ случаѣ, если мы хотимъ понять соціальныя задачи для будущаго въ истинно этическомъ духѣ. Необходимо уяснить себѣ, что здѣсь, въ конечномъ счетѣ, играютъ роль не матеріальные, экономическіе интересы, но идеальные потребности и моменты. Правда, при этомъ не слѣдуетъ пренебрегать и заботами объ улучшеніи положенія и созданіи достойныхъ человѣка условій существованія, но это только переходный моментъ для реализаціи нравственныхъ цѣлей. Здѣсь кроется двойная задача, на которую распадается всякое образованіе и всякое воспитаніе: умственное просвѣщеніе и нравственное облагораживаніе, которыя должны итти рука объ руку, иначе могутъ возникнуть тяжелые кризисы. Мы не можемъ входить здѣсь въ различныя подробности; достаточно, если мы укажемъ на выработку соціально-этическаго образа мыслей, на чуткое человѣколюбіе и живое участіе въ рѣшеніи многообразныхъ задачъ, изъ которыхъ слагается великая соціальная проблема — какъ на существеннѣйшую цѣль здороваго воспитанія народа. Весьма удобно, конечно, возложить эту обязанность на государство; но вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленно и неразумно умышленно пройти мимо серезныхъ препятствій,

задерживающихъ разумное, удовлетворяющее нашу совѣсть развитіе, и глубокихъ противорѣчій, отъ которыхъ явно страдаетъ наша современность, и такимъ путемъ отстранить отъ себя непріятную отвѣтственность за угрожающую катастрофу.

5. Глава. **Искусство.**

И міръ искусства, имѣющій своимъ источникомъ, повидимому, совершенно свободную фантазію, также является соціально-психическимъ проявленіемъ, строго соціальной функціей. Уже то обстоятельство, что нѣтъ ни одного народа, какъ бы дикъ онъ ни былъ, безъ художественной дѣятельности и художественнаго воспріятія — вызываетъ размышленіе; даже у самихъ первобытныхъ племенъ (такъ, напр., у бушменовъ и австралійскихъ негровъ) весьма значительную часть времени употребляютъ на рисованіе, вырѣзываніе и раскрашиваніе какихъ-либо предметовъ или собственнаго тѣла (татуировка). Прежде всего обнаруживается непосредственная связь съ религіей, а затѣмъ съ правомъ (соціальные мотивы), въ особенности, въ культѣ,въ которомъ совмѣщаются религія, обычай и искусство. Этотъ соціальный характеръ является настолько опредѣляющимъ, что духъ народа и для высшихъ ступеней художественнаго творчества служитъ тою органическою почвою, разрывъ съ которой неизбѣжно сопряженъ съ тяжелымъ ущербомъ. Причудливые танцы дикихъ народовъ, покоясь на совмѣстномъ вліяніи музыки и драматическаго искусства, являются точнымъ отраженіемъ ихъ жизни и занятій; съ неподражаемой вѣрностью изображаютъ они картины охоты и войны. Извѣстно, что и возникновеніе греческой трагедіи выводится изъ такихъ танцевъ, такъ трагически и, съ другой стороны, съ такой безудержной жизнерадостностью изображающихъ удивительную жизнь Діониса, и то же

можно было бы сказать про условія жизни другихъ народовъ, какъ они извѣстны намъ изъ этнографіи на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Сюда относятся также столь широко распространенныя маски, надѣвавшіяся то для военныхъ цѣлей, то въ тайныхъ союзахъ, служившихъ для усиленія полицейской и судебной власти, то для изгнанія злыхъ духовъ, то, наконецъ, на оффиціальныхъ представленіяхъ и въ театрѣ, — вездѣ просвѣчиваются первоначальныя соціальныя отношенія, разъясняющія намъ всѣ эти представленія. Многообразная и особенно важная для первобытныхъ народовъ орнаментика, рисованіе и живопись, — все это является непосредственнымъ отраженіемъ ихъ жизни. Бушмены южной Африки изображаютъ на своихъ пещерныхъ рисункахъ свои состязанія и войны; въ современныхъ рисункахъ встрѣчаются также фигуры голландскихъ буровъ. На доисторическихъ жезлахъ, найденныхъ въ пещерахъ, изображены сцены изъ жизни животныхъ и охоты. Татуировка, художественное раскрашиваніе тѣла, совершается какъ по религіознымъ, такъ и по соціальнымъ мотивамъ (это признакъ принадлежности къ данному племени; существуетъ здѣсь какъ будто также и связь съ войнами и битвами, — это могло быть знакомъ побѣды, для индѣйца это — окруженный религіознымъ ореоломъ символъ тотема); поэтому татуировка также тѣсно связано съ имѣющимъ большое значеніе освященіемъ совершеннолѣтія, которымъ юноша или мальчикъ, находившійся до тѣхъ поръ подъ надзоромъ женщинъ принимается въ ряды способныхъ носить оружіе и зрѣлыхъ мужчинъ. Само собой разумѣется, что въ модѣ, нравахъ и одѣяніи соціальный мотивъ господствовалъ такъ же властно и не считаясь съ личными вкусами, какъ и у насъ. Это соціальное происхожденіе проявляется и въ скульптурѣ; ассирійскіе рельефы, нѣкогда украшавшіе дворцы Ниневіи,

изображаютъ картины охоты, напр., какъ король своими стрѣлами сражаетъ льва, или картины битвъ, напр., какъ солдаты переправляются черезъ рѣку, осаждаютъ крѣпость и т. д. То же самое можно сказать о египетскихъ, индійскихъ, китайскихъ изображеніяхъ и др. Міръ животныхъ является у первобытныхъ народовъ, по понятнымъ причинамъ неисчерпаемымъ источникомъ для первыхъ опытовъ въ пластическомъ искусствѣ, хотя бы, на первыхъ порахъ, и въ неуклюжей формѣ, какъ напр. вѣнчаніе статуй и деревянныхъ колоннъ головами животныхъ. Наконецъ, въ архитектурѣ можно прослѣдить безпрерывное развитіе, начиная отъ примитивной и недостаточой защиты отъ бѣдъ, причиняемыхъ непогодой (напр., такъ назв. вѣтряной зонтъ бушменовъ) до совершеннѣйшихъ и стильныхъ построекъ, соотвѣтствующихъ культурно-историческому уровню народа: изготовленный изъ согнутыхъ вѣтвей шалашъ становится подвижной палаткой; съ примѣненіемъ камня, кирпича и дерева начинается постройка домовъ, раздѣленіе первоначальнаго общаго жилища на нѣсколько обособленныхъ помѣщеній и комнатъ и т. д. Ясно, что широкая область техники, которую мы здѣсь не можемъ разсмотрѣть подробно, обусловлена этой соціальной связью; орудія и оружіе, приготовленіе пищи и всего относящагося къ жизненному обиходу, находитъ свое психологическое объясненіе только въ этой непосредственной связи съ практической жизнью.

То, что правильно по отношенію къ примитивному искусству, приложимо и къ позднѣйшимъ ступенямъ развитія. Въ наше время, часто порывающее истинную связь съ двигающими соціальными силами, важно выяснить себѣ эту точку зрѣнія, болѣе глубокаго соціально-психическаго обоснованія исскуства, чтобы спасти его отъ той изолированности, въ которой оно часто прозябаетъ. Само собой

разумѣется, что мы при этомъ вовсе не защищаемъ вульгаризацію искусства, его внутреннее отчужденіе отъ идеаловъ, безъ которыхъ не мыслимо никакое истинно-эстетическое стремленіе; но эта идеализація всюду должна, — поскольку это какимъ-либо образомъ возможно, — итти рука объ руку съ великими, современными, міровыми проблемами. Вся обширная соціальная жизнь народа со всѣми ея разнообразными развѣтвленіями въ религіи, обычаѣ, правѣ и т. д. должна опять стать плодотворнымъ источникомъ развитія и осуществленія художественныхъ идей. Лишь такимъ образомъ понятіе общечеловѣчности можетъ получить дѣйствительную, конкретную, жизненную форму, тогда какъ въ противномъ случаѣ оно осталось бы пустой абстракціей, не имѣющей никакой почвы. Здоровое національное развитіе искусства, особенно поэзіи, находитъ именно здѣсь, въ народномъ духѣ, — заполняющемъ къ тому еще опасную пропасть между образованными и низшими сословіями, — свою исходную точку, и въ этомъ смыслѣ театръ дѣйствительно можетъ стать моральнымъ воспитательнымъ учрежденіемъ, заставляющимъ насъ опять непосредственно чувствовать внутреннюю связь всѣхъ членовъ даннаго народа. Въ выполненіи этой культурной миссіи, которая, впрочемъ, должна быть чуждой всякаго тенденціозно-дидактическаго направленія, косвенно заключалась бы цѣнная порука болѣе глубокому укрѣпленію идеальныхъ интересовъ народа, — этой лучшей основы сохраненія мира.

§ 27. Заключеніе.

Резюмируя въ краткомъ обзорѣ существенные результаты нашего изслѣдованія, чтобы имѣть возможность сдѣлать отсюда какіе-либо выводы относительно будущаго,

мы должны остановиться, главнымъ образомъ, на двухъ моментахъ.

Первый изъ нихъ заключается въ обоснованіи единственно правильной соціально-психологической точки зрѣнія, безусловно отрицающей изолированный, только въ воображеніи существующій индивидуумъ, и, напротивъ, исходящей изъ полнаго живого взаимодѣйствія индивидуума со средой, съ обществомъ. При этомъ само собой разумѣется, что методъ строго эмпирическій и далекъ отъ всякихъ метафизическихъ предвзятыхъ положеній и фантазій; поэтому заимствованное изъ естественной науки выраженіе закон ъ мы не могли примѣнить къ соціологіи. Мы считали цѣлесообразнымъ взамѣнъ этого говорить только о ритмахъ, повторяющихся съ періодической правильностью, но лишенныхъ безусловнаго характера.

Второй важный моментъ — это убѣжденіе въ томъ, что мы можемъ рѣшить соціальный вопросъ, исходя не изъ матеріальныхъ потребностей и интересовъ, какъ часто еще думаютъ, но совершенно наоборотъ — опираясь на идеальные моменты и мотивы. Поэтому мы были вынуждены изслѣдовать непосредственную связь соціальнаго вопроса со всей духовной и нравственной жизнью человѣчества, поскольку при этомъ затрагиваются соціально-психическія явленія. Поэтому наше изслѣдованіе должно было выйти на философскій путь; соціальный вопросъ — это психологическая и культурная проблема первостепенной важности, ибо здѣсь въ дѣйствительности рѣчь идетъ о развитіи человѣческаго сознанія на различныхъ пройденныхъ имъ ступеняхъ развитія. Религія, право, обычаи, искусство и т. д. — это великія области проявленія соціальныхъ функцій человѣческаго духа, происхожденіе и дальнѣйшее развитіе которыхъ должны оставаться, по меньшей мѣрѣ, непонятными съ односторонней индивидуально-психологической точки зрѣнія. Можно прямо сказать,

что въ этомъ развитіи заключается вся исторія человѣческой личности, согласно извѣстному закону тожества онтогенесиса и филогенесиса, исторіи индивидуума и исторіи рода. Впрочемъ, ненарушимымъ правомъ философіи, освященнымъ историческимъ процессомъ, является — создать какъ для человѣка, такъ, въ особенности, и для науки необходимое единство міровой картины, ибо только одна философія, возвышающаяся надъ частностями спеціальныхъ наукъ, можетъ дѣлать конечные рѣшающіе выводы изъ общихъ принциповъ изслѣдованія.

Путемъ такого перенесенія разсмотрѣнія въ болѣе высокую сферу измѣняется, естественно, вся перспектива, которую мы установляемъ для дальнѣйшаго развитія; уже отдѣльныя положительныя требованія значительно отклоняются отъ обыкновенныхъ шаблоновъ. Какъ мы уже указывали, недостаточно разсматривать соціальный вопросъ съ обычной національно-экономической точки зрѣнія (въ лучшемъ случаѣ она можетъ помочь проложить пути), необходимы болѣе или менѣе глубокая реформа и переворотъ, прежде чѣмъ желанная цѣль будетъ болѣе или менѣе близка къ достиженію. Подобно тому какъ культура и образованіе вообще составляются изъ двухъ могущественныхъ составныхъ частей — умственнаго просвѣщенія и постояннаго нравственнаго облагораживанія человѣка, точно такъ же и соціальный вопросъ, какъ культурная проблема, долженъ считаться съ обоими этими факторами. Въ противовѣсъ закоренѣлому скептицизму и затасканному пессимизму, необходимо прежде всего подчеркнуть рѣшительное утвержденіе жизни, радости бытія и цѣнности существованія. Но этотъ соціальный оптимизмъ, который долженъ вновь вступить въ свои права, не долженъ стать маской преступнаго практическаго эгоизма; наоборотъ, такъ какъ только соціально-психологическая точка зрѣнія можетъ выяснить намъ

истинное отношенiе индивидуума къ обществу, то лишь здѣсь зарождаются наши дѣствительныя соцiальныя обязанности, иначе говоря — непрестанная работа надъ даннымъ культурнымъ идеаломъ. Сюда нужно прежде всего причислить возможно широкое, основательное образованiе, къ которому въ соотвѣтственной мѣрѣ, т. е. сообразно степени развитiя, причастны всѣ слои народа. Чрезвычайно важное значенiе такого просвѣщенiя нерѣдко подвергалось сомнѣнiю, и надо признать, что одно оно еще никоимъ образомъ не служитъ порукой нравственнаго прогресса. Несмотря на это, справедливы слова Гёте:

„Verachte nur Vernunft und Wissenschaft,
Des Menschen allerhöchste Kraft и т. д.“

Въ этихъ словахъ образно выражено высокое нравственное значенiе этихъ факторовъ. Но чтобы засiяли яркiя звѣзды болѣе гуманной цивилизацiи, долженъ предварительно исчезнуть мракъ варварства. Только въ этомъ этическомъ освѣщенiи соцiальная проблема получаетъ свое естественное завершенiе: чтобы обезпечить альтруизму во всѣхъ его проявленiяхъ торжество надъ глубоко вкоренившимся эгоизмомъ, необходимо тѣмъ сильнѣе использовать для общаго блага всѣ благороднѣйшiя нравственныя чувства и стремленiя. Всѣ наиболѣе цѣнныя душевныя движенiя, имѣющiя значенiе въ данномъ случаѣ, какъ-то благоговѣнiе, симпатiя, привязанность, почитанiе и т. д., имѣютъ соцiально-этическiй характеръ и образуютъ настоящую моральную основу всѣхъ человѣческихъ ассоцiацiй. Если мы говоримъ въ этомъ смыслѣ объ образованiи высшаго, т. е. нравственно болѣе благороднаго типа человѣка, то хотя это, быть можетъ, еще весьма неясный идеалъ, но въ то же время это — моральный постулатъ, полученный при соблюденiи строгой послѣдовательности; во всякомъ случаѣ, вся наша культура имѣетъ значенiе лишь при условiи непрерывнаго

нравственнаго прогресса. Это гуманизированіе человѣческаго рода является, такъ сказать, молчаливой цѣлью всего соціальнаго процесса, отъ котораго никто, въ концѣ концовъ, вполнѣ уйти не можетъ. Пусть въ дѣйствительности происходятъ тренія между отдѣльными членами союза, и даже насильственныя столкновенія, которыя могутъ быть улажены только судебными рѣшеніями и приговорами, — этотъ печальный недочетъ не препятствуетъ общезначимости общихъ этическихъ нормъ и, въ особенности, непрерывному процессу гуманизированія индивидуальныхъ интересовъ; это происходитъ, конечно, не безъ принужденія — пусть даже очень мягкаго — со стороны государства и во всякомъ случаѣ — не безъ постепеннаго искорененія столь могущественнаго прежде эгоизма.

Алфавитный указатель.

